

Институт экспериментальной истории

Владимир Свержин

Закон Единорога

«Владимир Свержин»

1997

Свержин В.

Закон Единорога / В. Свержин — «Владимир Свержин»,
1997 — (Институт экспериментальной истории)

Вы – сотрудник Института Экспериментальной Истории. Работка, между прочим, еще та – шататься по параллельным реальностям и восстанавливать нарушенную историческую справедливость! Ваше задание продолжается. А вы – и уже давно – впали в легкую истерику. Потому что очередная невыполнимая – или, по понятиям вашего начальства, вполне выполнимая – миссия помощи плохому монарху, плохому поэту и славнейшему из рыцарей Ричарду Львиное Сердце увязла в некоем немыслимом сказочном болоте. И что вам весь опыт предыдущей деятельности, коли работать придется черт знает с кем – со злобными (по роду профессии) магами, гнусными (по видовому признаку) драконами и коварными (по закону жанра) эльфами?! О чем вы думали, господин научный оперативник, когда вступали на славный путь «героев, опоясанных мечами»?!

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	18
Глава третья	26
Глава четвертая	34
Глава пятая	41
Глава шестая	49
Глава седьмая	57
Глава восьмая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Пролог

– И все-таки она вертится!
Галилео Галилей, ученый

– Несомненно, друг мой. Но одному только Богу известно, как это ей до сих пор удастся.
Аббат Гвидо Маниоли, инквизитор

Темно-красный «Ягуар XLJ220» со стремительностью своего пятнистого прототипа приближался к вкопанному в землю оранжевому щиту с крупной предостерегающей надписью: «Внимание! Закрытая территория. Въезд только по пропускам».

Водителя, лихо правившего своим железным конем, эта надпись, похоже, ничуть не смущала. Он нажал на тормоз, и его болид остановился перед железными воротами с гербом ее величества. Пара камуфлированных личностей с вышитыми на груди эмблемами, на которых британский лев попирал арктическую шапку Земли, разглядев светловолосую особу за рулем, браво взяли под козырек, и спустя мгновение двухтонная стальная плита, преграждавшая путь «Ягуару», с ровным гудением начала отъезжать в сторону.

Двадцать третий герцог Бедфордский быстро поднялся по витой лестнице с потемневшими от времени дубовыми перилами и, не сбавляя скорости, ворвался в приемную перед своим кабинетом.

– Ваша корреспонденция, милорд, – заученно произнесла очаровательная шатенка, видимо, уже давно ожидавшая появления шефа. Слова эти сопровождалась обворожительной улыбкой, более загадочной, чем все тайны фараоновых пирамид.

– Доброе утро, милая, – поздоровался представитель королевы в Институте Экспериментальной Истории, беря из тонких пальчиков секретарши пачку писем.

– Вам чай, кофе? – поинтересовалась она.

– Спасибо, Дженнифер. Ни того ни другого.

Он взялся за ручку двери, блестящую, словно кираса конного гвардейца на параде в честь тезоименитства¹ государыни.

– Милорд... – нерешительно начала красотка.

– Да, что еще? – повернулся Джозеф Рассел.

– Миссис Арви Мак-Гил просит вас принять ее.

Старина Зеф задумался и покачал головой.

– Хорошо, скажите ей, что через четверть часа я буду рад ее видеть.

Оставшись наконец один, пэр королевства и особа, приближенная к трону, подошел к потайному бару, оборудованному в чреве набора доспехов миланской работы, и, проделав нехитрые манипуляции, извлек из него бутылку виски «Блэк Джон Уокер». Уставившись на черную этикетку так, словно видел ее в первый раз, он тяжело вздохнул и, свернув пробку, влил в себя треть содержимого бутылки. Миссис Арви Мак-Гил просила его аудиенции в среднем раз в неделю на протяжении последних восьми месяцев.

– Что-нибудь слышно о Вальдаре? – спросила Арви, едва успев поздороваться.

Вопрос был традиционен. Но в этот раз Расселу было что на него ответить.

– С ним, как обычно, все в порядке. Вернулся цел и невредим. Во всяком случае, внешне. Блистает при дворе короля Джона Плантагенета. Его появление в Англии было отмечено принятием Великой Хартии вольностей.

---

¹ Тезоименитство – день рождения монарха.

– Это хорошо или плохо? – пытаясь скрыть радостную улыбку, осведомилась миссис Мак-Гил.

– Это так и никак иначе! – пожал плечами двадцать третий герцог Бедфордский. – Пусть наши научные светила теперь разбирают все *pro et contra*² сего исторического курьеза.

Селектор на сандаловой поверхности стола работы непревзойденного Роберта Адама³ предупредительно пискнул и заговорил воркующе-томным голосом: «Ваша светлость, вас ожидают на ученом совете».

---

² Pro et contra – за и против.

³ Роберт Адам – знаменитый английский мастер-мебельщик XVIII века.

Глава первая

Европа может подождать!
Мисс Абигайль Черчилль

ролетев лишних ярдов пять, нож стукнулся о стену и, падая, вонзился в деревянный настил пола.

– Эй, Капитан! – послышалось из-за полуоткрытой двери, мимо которой только что пролетел пущенный моей недрогнувшей рукой кинжал. – Меня не надо убивать! Я человек доброй воли. Я чист и светел, словно голубь мира!

Судя по голосу, герой английской революции Рейнар-Серж Л'Арсо д'Орбиньяк был в превосходном настроении. Спустя мгновение хитрая физиономия моего славянского «гасконца» показалась в дверном проеме.

– Заходи, – мрачно бросил я.

– А ножами бросаться не будешь? – с деланной опасливостью спросил он.

Не удосужившись подняться с неприбранной лежанки, я отрицательно покачал головой.

– Ножи кончились... Сэнди! – позвал я. – Будь добр, собери оружие.

Шаконтон, сидевший в углу и потиравший ушибленную руку, встал и направился к двери.

– Ты зачем мальчика обидел? – с укоризной спросил меня Лис, ласково похлопывая оруженосца по плечу.

– Да, кстати, Александер, сходил бы ты посмотреть, сыты ли наши кони.

– Накормлены, – буркнул Шаконтон, с силой выдергивая из двери ножи, образовывавшие на ней ровный крест.

– Да? – обнимая его за плечи и проникновенно глядя в глаза угрюмому юноше, среагировал Лис. – Ну тогда просто сходи развейся. Мы тут с господином рыцарем посекретничаем.

Сэнди, ничего не ответив, вышел. Я тоскливо воззрился на Рейнара, который уместился на край моего одра подобно брату милосердия, проводывающему безнадежно больного. Некоторое время он с невыразимым сочувствием созерцал мою меланхоличную физиономию. Я ждал.

– Ну что, больной? – Лис вооружился ложкой. – Скажите «а-а-а»! Не хотите – не надо... – Сережа приложил ладонь к моему лбу. – Чудно, батенька... Кипит наш разум возмущенный. Тлетворное влияние сырого лондонского климата плюс хроническое недопивание. Острая мозговая недостаточность. – Лис удовлетворенно потер руки. – Медицина бессильна, но будем лечить.

– Ты чего приперся? – раздраженно спросил я.

– Посоветоваться пришел. Там, видишь ли, король Джон от щедрот своих милостями сыплет направо и налево. Вот, не могу придумать, как мне теперь лучше именоваться – лордом Ремингтоном или графом Винчестером? – Лис с комичной задумчивостью уставился в потолок.

– Купцом Калашниковым, – огрызнулся я.

– Хорошая мысль. Но только для этого гордого титула мы не в той стране революцию сделали. Ты, кстати, долго здесь валяться намерен? – без всякого перехода спросил Рейнар.

– Долго. Пока не получу знамения свыше, – раздраженно сострил я.

– Считай, что оно у тебя уже есть. Пока ты там с драконами шуры-муры крутил, тут Рассел тебе оставил цэу на случай, если ты, скажем, вдруг вернешься.

Я обреченно закрыл глаза.

– Что на этот раз? Папа Римский провалился в канализацию?

– Хуже. Но тебе понравится, – успокоил меня мой друг. – Начальство не устраивает существование гиперимперии нашего закадычного врага Отто...

– Что, опять Лейтонбург?!

– Как в воду смотрел! – Лис удовлетворенно хмыкнул. – Видишь ли, наши умники считают, что созданное нашим дважды императором государство нежизнеспособно и рухнет, как только его величество «сыграет в ящик». Но чем быстрее развалится этот монстр, тем больше шансов у старушки Европы не захлебнуться кровью.

– Так что, нам предстоит грохнуть его императорское величество?

– А это уж тебе решать. Задача поставлена: империя должна рухнуть, и чем скорее, тем лучше.

– Ох-ох-охонюшки! – скрипя суставами, я поднялся с лежанки. – У тебя мысли на эту тему есть?

Лис бодренько вскочил, глаза его как-то странно заблестели.

– Есть! Великие деяния требуют великого отдыха. А посему... Гражданин начальник! – Лис вытянулся во фронт и выпучил глаза. – Прошу предоставить мне две недели поощрительного отпуска за героическое размахайство для ведения личной жизни и воспевания наших подвигов в стенах института. Да и тебе самому не мешало бы заняться тем же.

– Чем? Воспеванием подвигов? – саркастически отозвался я, затягивая перевязь меча.

– Где-то так. Капитан, не будь дураком! – Мой верный напарник насмешливо покосился на меня. – Чем двери курочить и подрастающему поколению руки ломать, съездил бы в Арагон, сказал бы, что с королевой погорячился, напел бы принцессе своей серенад. Ты ж пойми, – глядя на меня, как на безнадежного идиота, поучал Лис. – Для прекрасных дам прощать раскаявшихся благородных донов, а особенно любимых, – хлебом не корми!

– Кто тебе сказал, что она меня любит? – вновь мрачней, спросил я.

Лис страдальчески сморщился.

– Мессир Вальдар! Видимо, вы единственный человек в Британии, которому это пока еще не понятно. Девочка просто обиделась. Сейчас наверняка уже проплакалась, посуду побила и ждет вас с распростертыми объятиями.

Рейнар подошел ко мне, нежно обхватил за плечи, несколько раз хорошенько встряхнул и, отпустив, дружески ткнул кулаком в солнечное сплетение. Я уклонился.

– Ты гляди, ожил! – с деланным изумлением воскликнул он. – Ну так я пошел собираться!.. – Серж куртуазно поклонился и направился к двери. – Да, вот еще, мон шер ами! Ты прикинь, наследник Арагонского престола – это не самая худшая крыша для нашей скромной исторической миссии.

– Лис, я надеюсь видеть тебя через две недели, – оборвал я разглагольствования моего друга.

– Хорошо, хорошо, не злись. Да! Будешь в Европе – заедь к де Жизору, поговори с ним о делах наших скорбных, а заодно и Виконта нашего проведай.

Лис наконец вышел, едва не пришибив дверь Шаконтон, который, прислонившись к стене, ждал окончания нашей беседы.

– Юноша, вас учили, что подслушивать за дверью некрасиво? – обратился к нему Рейнар.

– Что вы, милорд, – возмутился Александер. – Как я мог?!

– При помощи ушей. – Лис назидательно надвинул ему на нос бархатную шапочку с вышитым вепрем Нейвуров, пижонски украшавшую макушку оруженосца, и поспешил прочь. Тот почтительно остановился на пороге и, поправляя головной убор, заговорщически спросил:

– Мессир Вальдар, а правда, что вы едете на континент?

– Ты же, Сэнди, не подслушиваешь! – удивился я.

– А я не подслушивал. Я догадался, – не краснея, парировал юный нахал.

– Ну, допустим, еду. Тебе-то что?

– А мне с вами можно? – робко поинтересовался Шаконтон.

– А лорд Джон отпустит? – с сомнением спросил я, мысленно прикидывая, что должность оруженосца при моей особе после вербовки Виконта по сей день остается вакантной...

– Отпустит! – радостно подскочил юный искатель приключений. – С вами куда хочешь отпустит! Так я собираться побежал! – Юноша дернулся к выходу.

– Э-э, мил друг, не так быстро. Разузнай-ка сперва, когда ближайший корабль на континент.

Шаконтон пожал плечами:

– А что тут узнавать? Через три дня эскадра Меркадье, назначенного коннетаблем во французские владения короны, выходит из Вулиджа.

– Что ж, хорошая компания.

Александр вновь сделал попытку выскочить за дверь. Я придержал его за рукав.

– Только, Сэнди, ради Бога, потише! Вовсе не нужно, чтобы о нашем отъезде знала вся округа. Не хватало еще, чтобы моя сестрица увязалась вслед за нами... – Я рефлексивно оглянулся.

Мой новоиспеченный оруженосец хлопнул себя по лбу.

– Да! Чуть не забыл. Я как раз только что видел госпожу баронессу...

Я внутренне напрягся, ожидая продолжения.

– И что ты ей сказал? – почему-то шепотом спросил я у слегка обескураженного Шаконтон.

– Ничего... Ее милость велела вам передать, что отправляется погостить в Каер-Урмарк к лорду Мерлину и его прелестной супруге.

Я вздохнул с искренним облегчением.

– Ну что ж, мы должны быть благодарны за это ее милости...

Что я всегда не любил в портах, так это запах... Никакие ветры дальних странствий не могут выдуть отсюда ароматы гниющей рыбы, сырых кож, дегтя, пота, словом, всего того, что является неотъемлемой частью начала морских путешествий. Дюжие грузчики, волокущие на своих спинах бочки, мешки и другую разнообразнейшую кладь, почтительно уступали дорогу брезгливо фыркавшему коню. Богато одетый всадник, восседавший на нем, судя по руке, прижатой к носу, невыносимо страдал. Причем, увы, не насморком...

Внезапно его, то есть мое, внимание было привлечено изрядным скоплением народа у дверей корчмы, над которыми красовалось потемневшее от времени изображение акулы, грызущей якорь. Толпа веселилась вовсю: оттуда то и дело доносились взрывы хохота и насмешливые возгласы, перемежаемые странным уханьем, напоминающим по тембру пароходные гудки. Заинтересовавшись происходящим, я подъехал поближе. Мое возвышенное положение позволило лицезреть забавную картинку. В кругу радовавшихся от души моряков, грузчиков, внезапно выздоровевших нищих калек и прочего портового сброда два здоровенных обнаженных по пояс толстяка со связанными за спиной руками что есть силы толкались животами, пытаясь выпихнуть противника из очерченного круга. Тела силачей лоснились от жира, они пыхтели, рычали, изображая крайнюю степень озверения, чем приводили в неописуемый восторг почтенную публику. Пораженный зрелищем этого нетрадиционного единоборства, я, наклонившись, ловко выдернул из плотной толпы чумазого мальчишку лет двенадцати-тринадцати, усердно работавшего локтями в тщетной надежде пробиться в первые ряды. Подросток, висая в воздухе, казалось, не заметил внезапного неудобства, а, наоборот, обрадованный улучшением обзора, оглушительно заорал:

– Давай, Вилли!! Надери ему задницу! Я на тебя поставил целый пенс!

Держа мальчишку на вытянутой руке, я слегка встряхнул его, стремясь привлечь к себе малую толику его внимания. Малец удивленно вскинулся и, увидев, какому знатному рыцарю

он попал в руки, тут же пустился в объяснения, захлебываясь от восторга и дергаясь, словно марионетка.

– Вон тот, толстый, – его рука метнулась вверх неопишным жестом, – это наш Вилли из Вулиджа! Держись!! – опять завопил он. – А этот – Майк из Сэндвича. Он в прошлом году выиграл Кубок Пяти Портов! Так теперь он думает, что может справиться с нашим Вилли! – Мальчишка оглушительно засвистел. У меня тут же заложило уши.

– Эй, парень! – окликнул я фаната этого европейского эквивалента сумо. – Это очень занятно, но ты мне лучше скажи, где найти начальника порта?

Абориген презрительно уставился на меня и после секундной паузы, утратив ко мне всяческий интерес, неопределенно махнул рукой в сторону:

– Там, в башне.

Я отпустил добровольного комментатора и, разворачивая коня, услышал неопишмый грохот, взрыв гомерического хохота и пронзительный вопль моего гида:

– А-а, слабак ты, Вилли!!

Хмыкнув, я пустил коня вскачь, размышляя о вреде увлечения азартными играми в столь юном возрасте. Миновав стражников, несущих караул у мрачного вида сооружения, бывшего скорее всего современником норманнского нашествия, я, придерживая меч, взобрался вверх по крутой лестнице в апартаменты начальника порта. Почтенного вида пожилой человек с массивной золотой цепью на груди поднялся мне навстречу, приветствуя знатного гостя.

– Чем могу служить, мессир?

– Друг мой, я был бы весьма вам благодарен, если бы мог получить от вас некоторые интересующие меня сведения.

– Я весь внимание, – учтиво ответил рыцарь.

– Я хотел бы узнать, когда и на каком корабле отбыла из вашего порта ее высочество принцесса Арагона Лаура-Катарина Каталунская?

Мой собеседник подошел к стеллажу, набитому пухлыми книгами в засаленных кожаных переплетах, и взял одну из них.

– Та-ак, посмотрим. – Открыв ее, он пальцем начал водить по записям, близоруко прищурившись. – Нашел. Вот, корабль «Элефант», зафрахтован наследницей Арагонского престола, направляется в Бордо, вышел из порта 13 апреля, то есть пять дней назад... Тьфу! – Он трижды сплюнул через плечо. – Я еще советовал ей подождать. Выходить в море в этот день – дурная примета, но ее высочество очень торопились. Она заплатила капитану Грэхему двойную плату против обычной, чтобы он поспешил. Что еще?... – Начальник порта задумался. – Да, команду она не набирала. Вот все, что я могу вам сказать.

Да уж, новости были неутешительные, но это было примерно то, что я ожидал услышать.

– Благодарю вас, сэр. – Я учтиво поклонился. – Вы мне очень помогли.

– Всегда к вашим услугам, милорд. – Рыцарь проводил меня до двери, где мы вновь любезно раскланялись.

Эскадра Меркадье стройным рядом стояла у пирса, ожидая утреннего бриза, чтобы отправиться в путь. Погрузочные работы приближались к концу, лишь кое-где по сходням еще закатывали бочки со свежей пресной водой. Я направился к флагманской галере «Северный лев», возле которой на пирсе маячила заметная фигура Эдвара Жильбера Кайяра де Меркадье, следившего за ходом работ. Увидев меня, он замахал в воздухе огромными лапищами, напоминая железнодорожный семафор:

– Ну как?

– Корабль «Элефант», порт назначения – Бордо, пять дней тому назад, – пасмурно ответил я, спрыгивая с коня.

Меркадье участливо хлопнул меня по плечу, едва не сломав мне ключицу:

– Да ты не грусти, найдем мы ее, принцессу твою. Эй! – крикнул он одному из слуг, стоявших чуть поодаль. – Отведи коня господина рыцаря на корабль да гляди, устрой получше. Сам проверю! – Коннетабль грозно показал кулак слуге.

– Идиот! – внезапно закричал он на какого-то грузчика. – Куда ты катишь эту бочку? Не туда! Извини, Вальдар, за этими мошенниками не уследишь. – Меркадье широкими шагами направился к провинившемуся грузчику, сжавшемуся в предчувствии неминуемого наказания.

– Милорд! Милорд. – Кто-то робко дернул меня за рукав. Я обернулся. Невзрачного вида человек в потрепанной одежде и с лицом, выдающим пристрастие к горячительным напиткам, настойчиво требовал внимания к себе.

– Чего тебе, милейший? – рассеянно глядя, как Меркадье пинает грузчика, спросил я.

Оборванец тяжело вздохнул.

– Милорд, только превратности судьбы, ввергшие меня в крайнюю бедность, вынуждают меня к вам обращаться. У меня восемь детей, жена умерла...

Я поморщился:

– Ну да, ну да. – Достав из кошелька какую-то мелкую монетку, я протянул ее попрошайке.

Тот отпрянул:

– Что вы, милорд! Вы меня не так поняли! – Человек гордо выпрямился и сделал попытку запахнуть в драный плащ. – Я не нищий! Я ученый лекарь, последний ученик великого Авиценны.

Я попытался вспомнить, когда же умер сей достойный муж, и, по моим подсчетам, его последнему ученику было никак не меньше двухсот лет. Ну что ж, он неплохо выглядел для своих лет.

– ...Большую часть своей жизни я провел в дальних странствиях, посвящая дни свои сбору драгоценных крупин лекарского знания, – разливался соловьем последователь персидского лекаря. – Но теперь злосчастная судьба...

– Так чего вы хотите от меня? – перебил я попрошайку, понимая, что напоролся на профессионала.

– Я хотел бы продать вам средство от морской болезни! – торжественно произнес «лекарь» и извлек из-под плаща глиняный горшочек, обмотанный тряпкой. – Я нашел его рецепт в катакомбах египетских пирамид. Это тайное снадобье жрецов... Изиды!

Я, в изумлении вытаращив глаза, слушал образованного мерзавца. Тот, решив, что клиент вполне созрел, весьма натурально пустил слезу и протянул мне свое сокровище.

– Вот, для себя хранил. Да, видно, не придется мне уже...

Я открыл горшочек, наполненный какой-то вязкой желтоватой мазью. В воздухе отчетливо распространился запах горчицы. С трудом подавив улыбку, я соорудил подобающее случаю задумчивое выражение лица и спросил:

– А как им пользоваться?

– Едва вы почувствуете приближение дурноты, – пояснил мне высокоученый муж, – вам следует выйти на палубу, дабы приток свежего воздуха облегчил ваши страдания. А затем, окунув указующий и средний персты в сию чудодейственную мазь, поместить их поглубже в вашу сиятельную глотку. Прodelывать сие надлежит, созерцая у борта бег волн. Всего один золотой, – вдохновенно завершил мошенник.

«Подобный труд должен быть оплачен, – подумал я, извлекая золотой и протягивая его смиренно стоящему любимцу Авиценны. – Какая энергия, какой полет фантазии!»

– Только для вас. – Человек протянул мне горшок, тщательно протерев его грязным рукавом. – Вы мне сразу понравились.

– А это что такое?! – загремел над моей головой рокошующий бас Меркадье. – Прочь отсюда, попрошайка.

– Спокойнее, Эд. Это почтенный человек. Он заработал свои деньги.

«Почтенный человек» проворно отскочил в сторону и стал пятиться, опасливо глядя на грозного гиганта.

– Что за дрянь ты у него купил? – брезгливо сморщив нос, спросил Меркадье.

– Зря ты так. Отличная приправа к жареному мясу. Я дам тебе попробовать.

У портового медика, чутко прислушивавшегося к нашему разговору, хитро заблестели глаза. Похоже, моя реплика вдохновила его на новые идеи.

Уединившись в своей каюте, я рухнул на жесткую койку и начал мысленно прикидывать маршрут своего движения в Арагон, стараясь проложить его так, чтобы он проходил подальше от владений короля Филиппа-Августа. Не думаю, чтобы наша встреча доставила ему особую радость, а уж мне – так и подавно. В отношении к моей скромной особе короли Англии и Франции были единодушны – они меня, мягко говоря, недолюбливали. Окажись я во власти одного из них, им бы не составило труда договориться, чтобы одна моя нога была здесь, а другая – там... А остальные части тела где-нибудь посередине, скажем, в Ла-Манше. Задумавшись над своей участью рыцаря печального образа действия, я незаметно для себя перешел к воспоминаниям о вчерашнем ужине у графа Шейтмура.

С вежливым безразличием приняв поток королевских милостей в виде замков, охотничьих угодий, титулов и крупных денежных сумм, граф Уолрен поспешил откланяться и удалился в милый его сердцу Тауэр. Вскоре, прямо накануне нашего отъезда, мы с Меркадье получили приглашение от «его светлости герцога Норфолка, графа Шейтмура и прочая, прочая» на званый ужин.

– Что-то я не слышал, – задумчиво произнес Меркадье, в роскошном лондонском поместье которого я жил эти дни, – чтобы Варрава устраивал пиры. Больше всего это напоминает военный совет. Извинись за меня, если я вдруг опоздаю, – обратился он ко мне. – Мало ли какие дела могут быть в порту.

Я, как наименее загруженный государственными делами, явился первым из приглашенных. Стол в кабинете канцлера Пурпурной палаты был накрыт на пятерых. В ожидании остальных гостей мы вежливо разговаривали с графом о моих дальнейших планах и внешней политике короля Джона. Услышав, что король положил на мое и Лисовское имя крупные суммы в банковской конторе Родерико ди Амальфи, Шейтмур хмыкнул и задумчиво произнес:

– Ну что ж, совсем не глупо с его стороны. Теперь, если его величество пожелает узнать, где находится в данный момент доблестный рыцарь Вальдар Камдил, ему будет несложно это сделать. Если вы, конечно, решите воспользоваться щедростью Джона Плантагенета. – Граф вежливо улыбнулся.

Вскоре появился герцог Честер, облаченный в новенькое, с иголки, одеяние коннетабля Англии, шитое золотом и подбитое горностаем. Росселин лопался от гордости, лучился счастьем и двигался с преувеличенной осторожностью. Демонстративно поправляя массивную золотую цепь с золотым медальоном, украшенным драгоценными камнями и чеканными мечами – символом его высокого положения, Шамберг с достоинством уселся за стол и поздоровался:

– Я счастлив приветствовать вас, милорд принц и милорд герцог!

– Здравствуй, Росс, – кинул я.

Шейтмур только молча поклонился, приветствуя своего собеседника.

Меркадье не заставил себя долго ждать. Он появился в дверях, пропахший дымом, шумный, большой, радующийся предстоящему путешествию на родину, и за столом моментально воцарилась непринужденная дружеская атмосфера. Росс, сразу же стряхнув с себя чужеродную английскую чопорность, громогласно объявил:

– Друзья! Мне рассказали пикантный случай! Графиня... мнэ-э... ну, скажем, Р... – И он стал рассказывать историю, содержание которой я не решаюсь приводить здесь из уважения к христианской добродетели. К тому же не все женщины одинаковы...

В самый разгар веселья дверь тихо отворилась, и в комнату вошла королева Джейн, закутанная в плащ. Честер умолк, не закончив фразы, да так и застыл с раскрытым ртом. Радостное ржание высшей английской аристократии смолкло как по мановению волшебной палочки.

– Добрый вечер, господа, – непринужденно произнесла леди Джейн. – Извините, я была вынуждена немного задержаться.

Меркадье смущенно стал прятать за спину выпачканные в смоле руки...

– Ну вот, все участники тайной вечера в сборе, – насмешливо произнес Варрава. – Умерьте свой пыл, герцог, – обратился он к Россу, гневно вскочившему при появлении королевы. – Смею вас уверить, все люди, собравшиеся здесь, – союзники, вне зависимости от того, как они относятся друг к другу. Присаживайтесь, ваше величество, – произнес Шейтмур, не вставая с места. – Нам предстоит обсудить дальнейшие совместные действия, если, конечно, среди нас нет желающих окончить дни свои на плахе.

Он обвел собравшихся немигающим взглядом.

– Я вижу, таковых нет. Что ж, это радует. Тогда, господа, и вы, ваше величество, нам стоит обсудить создавшуюся ситуацию и то, как нам необходимо действовать.

– Да что тут действовать?! – громыхнул Шамберг.

– Действовать, друг мой, всегда означает действовать, – мягким поучающим тоном заметил Шейтмур, – или вы думаете, что блестящие побрякушки, которые вы с такой гордостью носите, отобьют память у нашего дорогого короля? Или у вас самого плохо с памятью? Позвольте задать вам вопрос: чьи войска пару недель назад стояли под Венджерси?

– С тех пор много чего изменилось, – недовольно буркнул Росс, все еще не пришедший в себя от неожиданности.

– Милорд герцог, вы же не юнец, которому следует объяснять простейшие вещи. Где и когда законы мешали королям поступать так, как они находили нужным?

– Это верно, – усмехнулся Меркадье. – Джон не забудет нам своего унижения.

– Ерунда! – огрызнулся Честер, более из нежелания признать правоту своих собеседников, чем от уверенности в собственных словах. – Что он без нас может! Мы нужны ему!

Шейтмур утвердительно кивнул.

– В этом ты прав. Только благодаря тому, что на данный момент мы действительно ему нужны, сегодня я имею счастье видеть вас за этим столом. Но я подчеркиваю, мы нужны ему сейчас. Очевидно, будем еще нужны завтра, но очень и очень скоро наступит день, когда его величество перестанет в нас нуждаться. Не так ли, леди Джейн?

Молчавшая все это время королева медленно кивнула.

– Ну, это он пусть еще попробует! – На добродушном лице Меркадье появилась нехорошая ухмылка, обычно означавшая стремительно приближающийся конец намеченной жертвы. – У нас сила!

– О, можете не сомневаться. Если мы только дадим ему такую возможность – он непременно попробует. И, насколько я знаю короля Джона, вполне может быть, что успешно.

– Вы пытаетесь испугать нас, милорд? – сжимая кулаки, спросил Росс.

– Испугать? Вас? – Губы Джорджа Уолрена изогнулись в насмешливой улыбке. – Давно не слышал ничего глупее. Мой дорогой Честер, когда вы выезжаете на бой, как я заметил, вы надеваете прочную испанскую кольчугу. Однако только полному идиоту придет в голову именовать вас из-за этого трусом. Это разумная предосторожность, не более того. Вот и то, о чем я говорю, также разумная предосторожность. Если мы хотим сохранить свои жизни и то положение, которое мы, по милости господней, имеем, то мы должны, если хотите, – он кив-

нул в сторону Шамберга, – мы вынуждены быть вместе и действовать совместными усилиями. Надеюсь, это более не нуждается в доказательствах?

Собравшиеся молча слушали речь канцлера.

– Отлично! – после минутной паузы продолжил он. – Если с этим вопросом все понятно, перейдем, пожалуй, к главному – что каждому из нас надлежит делать. Прежде всего вы, ваше величество. – Варрава галантно поклонился королеве. – Я должен сказать вам, леди Джейн, что восхищаюсь вами, как никогда не восхищался ни одной другой дамой. Не сочтите это за пустую куртуазность. Вы великая женщина! И я готов подтвердить свои слова под присягой даже на Страшном Суде. Я знаю, что вашему сыну, миледи, предстоит стать королем Британии...

В лазурных глазах Джейн неуловимой тенью мелькнуло удивление. Однако его заметил только я. А может быть, и Уолрен.

– Как по закону и подобает наследнику престола, – тихо произнесла она, благосклонным кивком благодаря Тауэрского Ворона за лестные слова в свой адрес.

– Ну да, конечно же, – не меняя тона, произнес наш «хлебосольный» хозяин. – Я беседовал с вашим астрологом, ваше величество. Незадолго до его смерти. Признаюсь, это была очень занятная беседа. Но извините, это к делу не относится. Надеюсь, что ваш сын унаследует ум и привлекательность матери, а также ловкость и отвагу отца. Уверен, если этому суждено случиться, – мы находимся в преддверии великого царствования.

Я с расслабленным видом созерцал золоченую резьбу, покрывавшую потолочные балки кабинета, с трудом подавляя в себе желание оглушить лорда Шейтмура чем-нибудь твердым и тяжелым. Однако, невзирая на тайные мои помыслы, он продолжал говорить, как и прежде, неторопливо и четко, словно чеканя каждое слово.

– ...И все же, миледи, прежде чем юный принц Эдуард сможет занять полагающееся ему по праву и его великим дарованиям трон, его подстерегает множество опасностей и невзгод. Нам с вами следует позаботиться о том, чтобы все эти неприятности существовали более в моем воображении, увы, привыкшем видеть угрозу даже в самых безобидных пустяках, чем наяву. А для этого, моя очаровательная королева, я должен стать вашим духовником и исповедником. Вы понимаете, о чем я говорю?

Леди Джейн вновь молча склонила голову.

– Вот и отлично, – произнес Варрава, усмехаясь. – Если вас смущает отсутствие у меня духовного звания, я попрошу вашего мужа даровать мне титул епископа Кентерберийского. Думаю, он мне не откажет.

Королева пристально глядела на Джорджа Уолрена, радостно смеявшегося собственной шутке, явно не видя повода для веселья. Смех стих, едва зазвучав.

– Вы со мной согласны, ваше величество? – уже без намека на улыбку спросил новоиспеченный герцог Норфолк.

Супруга короля Джона медленно кивнула, не размыкая губ.

– Вот и прекрасно. Я знал, что мы с вами найдем общий язык. И еще, сударыня, поверьте мне, мое отношение к вам проникнуто искренним преклонением и глубочайшим почтением. И все же я вынужден просить, более того, вынужден молить вас об одном. Не пытайтесь меня перехитрить.

Глаза Джейн вспыхнули затаенным огнем, но вслух она произнесла совсем другое.

– Простите, господа. Мне пора идти. Если никто не желает сказать что-либо, касающееся непосредственно меня, то я вынуждена оставить вас.

– Конечно же, ваше величество. – Шейтмур склонился в галантном поклоне. – Мои люди проводят вас.

Мы поднялись и последовали примеру хозяина, сопровождая куртуазным сгибанием спины уход королевы. Она улыбнулась одними губами и исчезла за дверью.

– Теперь вы, мессир Вальдар, – вкрадчивым тоном произнес лорд Уолрен, одаривая меня взглядом, подобным тому, которым молодой кот осчастлививает первую пойманную им мышь. – Вы, мой дорогой принц. Признаюсь, – он добродушно улыбнулся, – меня очень занимает ваш светлый образ. За месяцы вашего отсутствия я по крупницам, словно дивной красоты мозаичное панно, пытался воссоздать для себя картину вашей жизни. Поверьте, если когда-либо вам понадобится придворный биограф – лучше меня вам ни за что не сыскать.

– Благодарю вас, герцог, однако...

– Однако я вас сюда пригласил не за тем, чтобы предложить вам свои услуги. Скорее наоборот. И хотя в вашем жизнеописании масса «белых пятен» и я с удовольствием бы побеседовал здесь с вами на самые разнообразные темы, но все же мы оставим удовлетворение моего любопытства до другого раза, а сейчас поговорим о другом.

– Благодарю вас, милорд, – слегка насмешливо бросил я. – Так чем же обязан я сегодняшнему вашему приглашению?

– Чем обязаны? – Варрава наполнил вином серебряный кубок, стоявший перед ним на столе, и залпом осушил его. – Ваше здоровье, господа! Обязаны вы своей феноменальной способностью вступать в самые разнообразнейшие истории, которые, заметьте, к вам лично никакого отношения не имеют. Правда, в конечном счете вы всегда побеждаете. Поверьте, эта черта в вас мне особенно нравится. Говорят, – без всякого перехода продолжил он, – что вы вскоре намерены оставить Британию?

– Да, но в этом нет политического умысла. Исключительно личные дела.

– Я осведомлен об этом. Надеюсь, что имевшая место быть размолвка между вами и очаровательной каталунской принцессой окажется не более чем досадным недоразумением, о котором вам самим через некоторое время будет смешно вспоминать. Я вижу в вас, мой принц, будущего короля Арагона и спешу первым выразить вам свою радость по этому поводу. – Он замолчал, делая эффектную паузу перед деловой частью своей речи. – Однако мне почему-то кажется, что у вас тоже есть все основания принимать живейшее участие в судьбе юного принца Эдуарда. Я не ошибаюсь?

– Допустим. Что из этого?

– Вы знаете, мой друг, с момента глупой и нелепой гибели короля Ричарда, коей вы были свидетелем, в Европе стало многое меняться и, увы, далеко не всегда в нашу пользу. Король Джон окончательно рассорился с императором, а посему королевство Арелат, короной которого еще совсем недавно был венчан наш покойный друг и король, досталось младшему сыну императора Оттона – Иоганну Гессенскому. Но Бог с ним, с Арелатом. В конце концов, это имперские земли и нам нет до них дела. Хуже другое. Как стало известно мне из тайных источников, заслуживающих полного доверия, король Франции Филипп II Август, еще вчера клявшийся в непримиримой ненависти императору Оттону, сегодня ищет пути к заключению с ним мирного договора. Полагаю, что они зайдут и дальше, образовав военный союз. Думаю, не нужно объяснять, чем это грозит Англии.

– Не стоит. Подобное положение дел развяжет руки французам, позволив Филиппу всеми силами ударить по французским владениям короны.

– Вы, как всегда, правы, – улыбнулся Шейтмур. – Поверьте, у меня и в мыслях нет сомневаться в полководческом даре моего друга графа де Меркадье, но, как вы как-то метко заметили: «Лучшая победа – это несостоявшееся сражение». По-моему, на редкость мудрая мысль.

Я внимательно поглядел на своего собеседника. Не помню, когда я говорил эти слова, но фраза, без всякого сомнения, принадлежала мне.

– Не скрою, – продолжал Уолрен, – меня давно восхищали то изящество и ловкий расчет, которые вы неоднократно демонстрировали в своих деяниях. Увы, мой принц, я не могу предложить вам ничего, достойного ваших превосходных качеств, но вместе с тем дело, по поводу которого я хотел бы посоветоваться с вами, имеет величайшее значение для нашей страны.

– Необходимо разрушить союз между Францией и империей, – констатировал я.

– О милорд! – с деланным восхищением воскликнул канцлер. – Господь наградил вас недюжинной проницательностью. Поверьте мне, ваше высочество, это дело архиважное. Мы все, весь народ Британии и, конечно же, в первую очередь ваш... – он внезапно умолк, – простите, я оговорился, наш будущий король, будем вам благодарны за этот подвиг!

Я подумал, что, кажется, еще не давал согласия на требуемую операцию, но отказываться, похоже, было уже поздно. Варрава мило улыбнулся, завершив беседу со мной фразой:

– Когда во Франции вам потребуется связаться со мной, сделайте это через вашего юного друга.

Произнеся ее, он тут же потерял ко мне всякий интерес, и дальнейшие слова были обращены к герцогу Честеру.

– Дружище Росс, надеюсь, ты не держишь на меня обиду за чересчур резкие слова, сорвавшиеся у меня с языка в пылу спора?

– А, пустое, – махнул рукой Шамберг.

– Вот и славно. Мне было бы очень больно обидеть тебя. Ты же знаешь, что среди всех лордов королевства друга, преданней меня, тебе не сыскать.

– Знаю, – проворчал Росс.

– И то, что все, о чем здесь говорится, делается только для нашей общей пользы, тоже знаешь?

Шамберг только вздохнул.

– Тогда слушай. Король наградил тебя герцогским титулом и мечами коннетабля, но это, увы, отнюдь не означает, что он хоть на миг стал доверять тому, кто недавно стучал копьём в ворота его замка. С этим необходимо бороться. Причем бороться решительно и непрестанно. Будь поближе к королю. Демонстрируй ему свою верность и преданность. Но не перегибай. Тебе ведь тоже вроде бы как следует опасаться короля. Джон знает, что как полководцу цена ему ноль. Даже тот маневр, которым он сбил с толку тебя и вас, мой принц, под Нейвуром, оказывается, присоветовала ему леди Джейн. Его величеству позарез нужен будет военачальник, на которого он мог бы положиться. Ты ему в самый раз.

Шейтмур замолчал, задумчиво поглаживая свои коротко стриженные волосы.

– Неплохо было бы устроить небольшую победоносную войну. Пожалуй, Шотландия как раз то, что нужно.

– Опять проклятые горы! Черт бы их побрал! – тихо выругался Росс.

– Нет, в горы лезть не стоит. Глупое это занятие – гоняться рыцарям за голоногими дикарями по скалам и ущельям. Шотландцы сами нападут на нас. Я об этом позабочусь.

– И что дальше? – осведомился Шамберг.

– Дальше? Дальше лорд Невилл притащит их за собой в нужное место, где незваных гостей уже будешь ожидать ты. Поверь, ореол защитника Британии от нашествия тебе очень не повредит. Для нашего же дела он решительно необходим.

– А мне-то что делать? – внезапно вмешался Меркадье, дремавший после ухода королевы, положив голову на измазанные руки.

– Тебе? У тебя задачи не менее важные. Слушай внимательно. Если нашему другу мессину Вальдару удастся расстроить переговоры Франции и империи, а я очень надеюсь, что ему это удастся, то скорее всего боевых действий у тебя не предвидится. Хотя возможно, что Филипп все-таки решится напасть, и, как мне представляется, в таком случае удар будет нанесен в Лангедоке и, очень вероятно, под видом крестового похода. Впрочем, это только предположение. Папа Иннокентий III Лангедоком крайне недоволен, а король Франции после снятия интердикта⁴ спешит выказать себя ревностным католиком. Ладно, посмотрим. Пока же, поль-

---

⁴ Интердикт – папское наказание. Запрет священникам вести службы в землях, подвергнутых интердикту.

зуюсь тишиной, тебе следует тайно, но так, чтобы слух об этом дошел до Лондона, связаться с Артуром Бретонским и убедить его начать подготовку к высадке в Англии. О слухах можешь не беспокоиться, я их развею.

– А сам-то Артур здесь зачем? – недовольно бросил Росс.

– Артур? Абсолютно незачем! Но призрак этой высадки должен постоянно тревожить сон короля Джона. Да, и вот еще что. К вам непременно будут присылаться всяческие лизоблюды: секретари, помощники, слуги, монахи – о каждом вам надлежит незамедлительно сообщать мне. Вот на сегодня, кажется, и все. Надеюсь, для нас всех этот вечер не станет бесполезной тратой времени. И, как сказано в Экклесиасте: «Что бы ни стала делать твоя рука, делай это со всей мощью».

Глава вторая

А может, и не стоит заходить на этот остров?..
Фернандо Магеллан

Проснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Видимо, вчера, погруженный в свои мысли, я не заметил, как уснул. Не открывая глаз, я прислушался к своим ощущениям: плеск волн, довольно сильное покачивание корабля и мерные шлепки весел свидетельствовали о том, что эскадра уже вышла в море.

– Милорд! – услышал я чей-то испуганный мальчишеский голос. – Проснитесь, милорд, проснитесь ради Бога!

– Ну что еще такое? – недовольно пробормотал я, даже не потрудившись открыть глаза.

– Беда, милорд! Ваш оруженосец сошел с ума!

– Да? – Я соизволил открыть глаза и удивленно приподнялся на локте. – И в чем это выражается?

Передо мной стоял вихрастый подросток лет четырнадцати, одетый в блио,⁵ со скакуном Меркадье, с абсолютно круглыми от испуга глазами.

«Видимо, кто-то из пажей Эда», – подумал я, натягивая штаны.

– Так что же он натворил? – повторил я свой вопрос.

Парнишка, захлебываясь от возбуждения, затараторил:

– Сначала он прыгал по палубе с двумя деревянными мечами. Потом начал кувыркаться, как обезьяна на ярмарке. Не выпуская мечей из рук! А теперь он стоит на корме на одной ноге и размахивает руками. – Мальчишка нервно хихикнул.

– Быстро? – спросил я, затягивая пояс.

Парень удивленно осекся.

– Д-да нет, не очень...

– Тогда нормально, – сказал я, успокаивающе кладя руку ему на плечо. – Пойдем посмотрим.

Мы выбрались на палубу. На корме галеры в лучах утреннего солнца эффектно вырисовывалась мускулистая фигура Сэнди, крутившего круги до-ин.⁶ Паж, семеня рядом со мной, ткнул пальцем в Александра и продолжил свой пылкий монолог:

– Вот видите! Я к нему подхожу, спрашиваю: «Что ты делаешь?» А он стоит, – парнишка понизил голос до шепота, – глаза закрыты, и под нос себе бормочет... «Я пришел в этот мир с пустыми руками и чистым сердцем. В помыслах моих нет жестокости. Но если дойдет до защиты чести и справедливости, сердце мое будет подобно стали, а руки станут смертельным оружием».

– Красиво излагает, – прокомментировал я.

Мы приблизились к моему оруженосцу. Заметив меня, он принял естественное положение на двух ногах и, выставив перед собой кулаки, поклонился. Мальчишка испуганно шараясь за мою спину и принялся бормотать «Отче наш».

– Чего это он? – заикаясь, произнес мальчишка. Краем глаза я заметил еще нескольких испуганно заинтересованных зрителей из числа ограниченного бортами галеры контингента английских войск. Не имея ни малейшего желания добавить к своей репутации такой забавный

---

⁵ Блио – верхняя одежда; род кафтана.

⁶ До-ин – упражнение начальной ступени школ восточных единоборств, направленное на регулирование циркуляции энергии Ки.

штрих, как сумасшедший оруженосец, я решил реабилитировать Шаконтон в глазах почтенной публики.

– Чего? А вот чего! Эй, приятель! – позвал я одного из стоявших неподалеку копейщиков. – Поди сюда!

Солдат быстро подскочил ко мне. Остальные с интересом пододвинулись, предвкушая новое зрелище.

– Давно на службе? – задал я вопрос воину.

– Да уж семь лет, ваша милость.

– Это хорошо. Значит, копьём работать умеешь. Сможешь ты этого безоружного, скажем, достать?

Копейщик хмыкнул.

– Отчего ж не смочь? Смогу.

– Давай. Достанешь – получишь золотой.

В толпе раздалась смешки. Воин обвел глазами своих приятелей, широко улыбнулся, перехватил копьё поудобнее и двинулся на Шаконтон, терпеливо дожидавшегося своего противника. Когда первый раз острие копья мелькнуло в дюйме от обнаженной груди Сэнди, легко уклонившегося от стремительной атаки, воины изумленно ахнули. После того как это повторилось второй и третий раз, из толпы зрителей раздалась улюлюканье и свист. Не на шутку разозленный копейщик, сделав ложный выпад, начал наносить коварный удар по дуге снизу вверх. Дальнейшее произошло так быстро, что, кроме меня, вряд ли кто-нибудь еще успел понять, что, собственно, стряслось. Каким-то чудом копьё переключало в руки моего оруженосца, вслед за чем, описав по сложной траектории дугу, захлестнуло горло нападавшего. Одновременно с этим колено Шаконтон врезалось в спину неудачливого вояки, обтянутую кожаной курткой. Тот рухнул на палубу, резко выдохнув от боли и неожиданности. Наконец копья недвусмысленно устоялся ему между глаз.

– Вставай, вставай, приятель! – весело крикнул я сконфуженному воину. – На, держи свой золотой, ты его честно заработал.

– Что, развлекаетесь? – раздался за моей спиной добродушный бас Меркадьё. – Ловко это у тебя получается, малыш! – обратился он к польщенному Шаконтону. – А ну-ка, дай я попробую!

Он начал стягивать с себя котту.⁷

– Постойте, граф! Мне нужно с вами обсудить важный вопрос.

Меркадьё с неохотой одернул одежду и, тяжело вздохнув, пробурчал:

– Вечно ты не вовремя!

Тут как раз он был не прав. Лучше других зная, каков бывает Эд в рукопашной схватке, я поспешил спасти целостность молодого организма и репутацию моего оруженосца.

– Заканчивай, Сэнди, – бросил я через плечо и направился к Меркадьё, в нетерпении ожидавшему меня у борта галеры, лихорадочно пытаюсь сформулировать для себя то дело государственной важности, ради которого я посмел оторвать коннетабля английских владений во Франции от молодецкой забавы.

– Послушай, Эд, я хотел посоветоваться с тобой... Ты знаешь Францию лучше меня. Как, по-твоему, кто на сей день может там считаться лучшим полководцем?

Меркадьё на минуту задумался.

– Пожалуй, Симон де Монфор... д'Оннекур неплох, но тугодум...

Не знаю, чем завершилась бы наша беседа, но тут рассуждения Эдвара Кайяра были прерваны звуком сигнальной трубы, раздавшимся с одной из дальних галер.

---

⁷ Котта – длинная накидка, вышитая геральдическими фигурами.

– Что там у них стряслось? – с тревогой произнес граф, всматриваясь в ту сторону, откуда донесся звук. – Сигнальщик, подай знак остановиться! – крикнул он.

Над морем вновь запела труба.

– Пусть пришлют вестового! – распорядился Меркадье.

Спустя четверть часа к борту галеры причалила небольшая лодка. Гонец, поклонившись, начал объяснять причину сигнала:

– Ваше сиятельство! Мы обнаружили остатки кораблекрушения.

– Ну и что? – недовольно спросил Меркадье. Посыльный, слегка стушевавшись, пояснил:

– Судно, судя по обломкам, английское, неф.⁸

– Название удалось установить? – сурово сдвинув брови над переносицей, произнес Эд, кладя руку на эфес меча.

У меня нехорошо заняло между лопаток. Штормов в последние дни не было, а значит, скорее всего судно подверглось нападению. Был ли попавший в передрагу неф тем самым «Элефантом», увозившим на материк мою маленькую принцессу, или же кому-то из вечных морских бродяг Фортуна отказала во взаимности? «Сколько тонет их в этих водах, – отгонял я назойливую мысль, червем-древоточцем сверлившую мозг. – Почему именно „Элефант“?»

– Нет. Корабль пошел ко дну. На поверхности лишь какие-то бочки, обломок мачты, доски...

– Жаль, черт возьми! Жаль! Но делать нечего. Возвращайся к себе на корабль...

– Ваше сиятельство! На мачте обнаружен труп какого-то дворянина. По гербу не англичанин.

– Что на гербе? – глядя на меня, спросил Эдвар.

– В лазури – золотая ветвь.

– Солнечная ветвь, – прошептал я, облакаясь на стол, чтобы преодолеть внезапный приступ дурноты. – Брантасоль! Где он?!

– Ваше высочество... – произнес посыльный и замялся. – Труп пробыл в воде несколько дней. Рыбы, птицы... Лучше не смотреть на этого господина. Тем более, прежде чем привязать несчастного к мачте, его, похоже, долго мучили.

– Вот даже как! – огромные кулаки коннетабля с грохотом опустились на столешницу. – Ну хорошо же! Шакалы! Они у меня еще пройдутся по доске!⁹ Ты знал его? – обратился он ко мне, в бешенстве расхаживая по каюте.

– Совсем немного, – с трудом выдавил я, не в силах преодолеть какое-то странное оцепенение, овладевшее вдруг мной. Мне очень хотелось расплакаться от беспомощности, но слезы за последние годы, видимо, забывшие путь к глазам, кипели где-то в груди, на подступах к горлу, с каждым вдохом все больше и больше сжигая мой разум.

– Эй, очнись! – Меркадье с силой тряхнул меня за плечо. – Что такое?

– Это корабль Лауры, – одними губами произнес я.

– Арагонской принцессы? – Эд остановился, внимательно глядя на меня, словно ожидая, что я скажу ему, что это розыгрыш. – Капитана ко мне! Живо! – рявкнул он так, что сновавшие вокруг корабля чайки взмыли вверх по крутой дуге да так и остались там, опасаясь снизиться.

Шкипер флагмана появился столь стремительно, что последние раскаты голоса грозного коннетабля едва не сбили его с ног.

– Тебе известно о кораблекрушении? – Эдвар-Жиль смерил вошедшего долгим взглядом.

– Известно, милорд! – ответил тот, почтительно глядя на молодого гиганта, явно желавшего немедленно кого-нибудь растерзать.

---

⁸ Неф – корабль, использовавшийся как для военных, так и для торговых целей.

⁹ Ходить по доске – вид казни. Длинная доска (весло) выставлась за борт, и казнимый с завязанными глазами шел по ней.

– Как ты полагаешь, – стараясь говорить как можно спокойнее, задал вопрос Меркадье, – кто может здесь промышлять?!

Старый моряк задумчиво пожал плечами.

– Промышлять пиратством, ваше сиятельство, здесь дело обычное. Тут, поди, и не разберешь, кто купец или, скажем, рыбак, а кто – распоследний головорез. А чаще всего между первыми и вторыми и разницы-то особой нет. Но вот одно можно сказать наверняка: если этот корабль – дело рук кого-то из местных, то Сен-Маргетский Аббат об этом наверняка знает.

– Монах? – с презрительной миной кинул Эд, с малолетства, похоже, испытывавший к слугам господним гадливое отвращение.

Морской волк как-то странно ухмыльнулся и взъерошил седеющую шерсть на подбородке.

– С позволения вашего сиятельства, монах. Однако одному ему ведомо, какому богу он служит. Если вам, милорды, будет угодно, я расскажу его историю так, как сам ее слышал.

Меркадье с некоторым сомнением посмотрел на меня. Я уже полностью овладел своими эмоциями и готов был к действию, как когда-то было написано на гербе нашей доблестной части: «В любое время, в любом месте, любыми средствами». Мысли, выстроившись в ровные штурмовые колонны, рвались на приступ самой неразрешимой из проблем. Загвоздка была пока что лишь в одном – четко сформулировать цели и задачи.

Я вполне допускал, что нападение на «Элефант» было делом рук пиратов. Судя по тому, что тело несчастного рыцаря, возглавлявшего охрану Лауры, было зверски истерзано, наверняка не обошлось без них, но вместе с тем передо мной неотвязно, словно призрак сумасшедшего налогового инспектора, маячил светлый образ императора Оттона и его криворотого сынка. Последнего, правда, мне видеть никогда не доводилось, но услужливое воображение живо рисовало его средоточием всех возможных уродств и пороков.

Ободренный нашим молчанием, шкипер начал свое повествование.

– Значит, дело было так. Лет тридцать назад, еще при прежнем французском короле, когда тот только начал присоединять к своему домену земли графства Вермондуа, против него выступил один местный рыцарь, не пожелавший повиноваться Людовику. Звали его шевалье де Монмюзон, а может, и как иначе, доподлинно мне неизвестно. Уж и не знаю, как долго смог он держаться против королевских войск, а только в конце концов замок его взяли и, в назидание люду, сровняли с землей. Самому же рыцарю отсекли голову, руки и ноги, чтоб впредь неповадно было бунтовать.

Эд усмехнулся. Видимо, подобный метод убеждения мятежников был вполне ему по душе.

– А у этого шевалье было три сына. Старшего в ту пору в отчем доме не было, он уже сам заработал золотые шпоры и искал славы за тридевять земель. Средний, который в ту пору только вошел в пору мужества, в бою был рядом с отцом, но, увидев, что военная удача на стороне короля, доверил спасение своей жизни ногам скакуна и благополучно избежал расправы. Младшему же из братьев едва исполнилось десять лет, но на короля, ступавшего по его разоренному обиталищу, он глядел столь гордо и независимо, что Людовик повелел оставить ему жизнь и для смирения духа отправил на конюшню выносить конский навоз и чистить стойла. Клянусь святым Маргетом, переплывшим некогда Аквитанское море, стоя на каменной глыбе, чтобы вещать язычникам слово Божье, это была не лучшая мысль его величества. Как-то ночью, дождавшись, пока все остальные слуги уснут, мальчишка бежал, предварительно перебив поленом ноги королевских скакунов. Понятное дело, Людовик был в ярости. Беглеца поймали и, прежде чем представить пред очи августейшего монарха, нещадно высекли на конюшне кнутом. Да так, что забили едва не до смерти. Ходить он недели, этак, две не мог. Когда же наконец его притащили к Людовику, разгневанный батюшка нынешнего короля Филиппа велел сварить маленького разбойника в кипящем масле. На счастье приговоренного, как раз в тот

день начинался светлый праздник Пасхи, и его величество в честь этого смилостивились и заменили казнь заточением в монастырь на Иль-Сен-Маргет, известный своим крайне суровым уставом.

Может быть, на том бы все и окончилось, и брат Клод, как теперь его звали, стал бы примерным слугой Божиим, но спустя десять лет после того, как маленький бунтарь впервые преклонил колени перед мощами святого Маргета, произошло следующее. Как-то утром в ворота монастыря, который, к слову сказать, возвышался на неприступной скале и был настоящей крепостью, постучалось несколько мокрых и оборванных мужчин, назвавшихся рыбаками, чудом спасшимися с разбившейся о камни барки. Святой Маргет, как известно, покровительствует морякам, к тому же, судя по выговору, все просившие действительно происходили из этих мест, так что просьба об убежище не вызвала и тени сомнения у святых отцов. Тем больше было их негодование, увы, бессильное, когда, едва дождавшись темноты, мнимые рыбаки перебили стражу у ворот и, открыв их, впустили в стены обители толпу отчаянных головорезов.

В очень скором времени одни монахи были убиты, другие, невзирая на их священный сан, взяты в плен и на следующее же утро оказались прикованными к веслам на пиратской галере.

С этого дня стены обители стали надежным гнездом для шайки негодяев.

– Ну а этот-то, твой аббат? – недовольно рыкнул Меркадье, возвращая шкипера, в котором явно пропадал великий сказитель, к интересовавшему нас предмету. Слова коннетабля несколько обескуражили шкипера, тут только заметившего, что его сиятельство, слушая его, нетерпеливо барабанит пальцами по пергаменту, испещренному какими-то значками и рисунками, напоминающими экзерсисы ученика младших классов художественной школы. Ум проныцательный и искушенный в решении ребусов и загадочных рисунков в зрелом размышлении вполне мог бы заподозрить в нем карту Франции и прилегающих к ней вод.

– Прошу простить меня, милорды, – смущенно произнес капитан, решая, видимо, более не загружать наши головы живописанием всех перипетий жизни Сен-Маргетского Аббата. – Если вы позволите, я продолжу.

– Давай, – напутствовал его мой бывший оруженосец, – только говори по делу.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – поклонился рассказчик. – Я подхожу как раз к самому главному. Однако должен вам заметить...

Я тихо вздохнул.

– Ну да, ну да, – смешавшись, пробормотал он. – Так вот, значит. Пираты захватили монастырь, и велико же было удивление молодого священника, когда он узнал в вожаке негодяев своего среднего брата. Молитвы и посты единым духом вылетели из его шальной головы. Братья обнялись и последующие три года плечом к плечу сражались на палубах чужих кораблей, творя свой злодейский промысел.

И вот уже при нынешнем короле Филиппе к острову как-то подошли несколько боевых кораблей под флагом его величества. Взять пиратское пристанище штурмом командир этой эскадры решил не пробовать. И правильно. Крепость на острове поставил еще великий Цезарь, направляясь в Британию. Удобная, закрытая от штормов бухта делает остров прекрасной перевалочной базой.

– К делу! – рявкнул Эд.

– Да-да. Крепость отлично укреплена, а потому рыцарь, посланный королем покарать разбойников, решил прибегнуть к осаде. Он блокировал выход из бухты и, высадив часть своих солдат на берег, перекрыл единственную дорогу, ведущую от гавани к монастырю, тем самым отрезав осажденных от провианта и воды. Несколько раз пираты пробовали делать вылазки, но безуспешно. Их каждый раз отбрасывали назад с большими потерями. А спустя месяц продовольствие в стенах цитадели было уже на исходе, и главарь пиратов – брат Клода – заговорил о сдаче. Но не тут-то было! Аббат Сен-Маргета, как раз в те дни и получивший это прозвище,

выхватил меч и отсек голову своему брату, как будто это был какой-нибудь грязный сарацин. Потом, спрятав ее в мешок, он послал одного из своих верных людей с этим подарком к королевскому военачальнику, предлагая поутру сдать ему крепость в обмен на жизнь.

Утром, как и обещал «аббат», ворота обители были открыты, а на стенах толпились защитники, размахивая пустыми руками в знак сдачи.

Довольный полководец вместе со своей свитой начал подниматься вверх по дороге, вырубленной в скалах, туда, где ждал его «аббат» Клод с ключами от Сен-Маргета. Одним словом, все было так, как и должно быть, вплоть до того момента, когда на башне цитадели запела боевая труба. Ворота сейчас же захлопнулись, а со скал на торжественную кавалькаду посыпались огромные камни и стрелы. В то же время корабли, дотоле спокойно стоявшие в гавани, начали один за другим выходить в море. Оказывается, ночью новый предводитель пиратов отобрал лучших из своих головорезов, на веревках спустил их вниз со скалы, и те, добравшись вплавь до кораблей, одолели вялое сопротивление сонных матросов и захватили их всех до единого.

– И что, никто не поднял тревогу? – недовольно произнес Эд, внимательно слушавший описание пиратской стратегмы.¹⁰

Шкипер пожал плечами.

– Никто не ожидал нападения на корабли. А если кто-то и пробовал подать сигнал на берег, то там в это время царило такое ликование, что никто просто не обратил на них внимания. В общем, как я уже сказал, корабли были захвачены, королевский полководец и многие другие рыцари убиты, прочие же ранены. Воодушевленные успехом, разбойники поспешили устроить вылазку, чтобы сделать свою победу полной. Впереди в кольчуге поверх сутаны с обнаженным мечом в руках бежал Клод де Монмюзон. Солдаты, остававшиеся на берегу, очень быстро поняли, что, отрезанные от кораблей, лишённые командования, они обречены на гибель, и потому поспешили сложить оружие. Впоследствии часть их перешла на сторону негодяев. Те же, кто не пожелал становиться пиратом, были проданы на невольничьих рынках...

Услужливая память, словно фокусник, вытаскивающий туза из колоды, моментально нарисовала панораму рыночной площади Александрии после взлета с нее именного дракона двадцать третьего герцога Бедфордского.

– ...Когда же бой стих и Сен-Маргетский Аббат стал возвращаться в свое логово, он приблизился к мертвому королевскому полководцу...

– ...И узнал в нем своего старшего брата, – проговорил я в тон рассказчику.

– Да! Верно! Вы знали об этом? – недоумевающе поинтересовался капитан.

– Нет. Догадался, – ответил я. – Иначе зачем было бы в начале упоминать о братьях этого пирата?

Морской волк глубоко задумался.

– И верно!

– Послушайте, мой дорогой друг. Кто рассказал вам эту поучительную историю?

– Гарсьо де Риберак, трубадур, возвращающийся ныне из Англии на родину.

– Трубадур, – хмыкнул Меркадье. – Ну, эти много чего расскажут.

– Гарсьо утверждает, что провел в плену у Сен-Маргетского Аббата больше года и только чудом спасся, бежав из крепости.

Мне невольно вспомнилась вывеска корчмы в порте Вулидж с акулой, грызущей якорь, и почему-то мучительно захотелось, чтобы на месте этой акулы был наш капитан.

– Так волокни его сюда! – неожиданно для себя рявкнул я.

Шкипер попятился.

– Постой, – поманил его пальцем Эд. – Ну-ка покажи, где этот самый остров.

---

¹⁰ Стратегма – военная хитрость.

Он повернул к нашему собеседнику то, что с очень сильным допущением можно было именовать картой.

– Вот здесь, – едва взглянув на карту, кинул наш просоленный морской волк, тыкая пальцем в какую-то загогулину, которую я бы, наверное, по простоте душевной принял за чернильную каплю, ненароком сорвавшуюся с пера.

– Отлично! А теперь давай сюда своего певца. – Меркадье хлопнул ладонью по карте, накрывая остров и пол-Европы в придачу. – Значит, курс на Сен-Мартет!

Гарсьо де Риберак постучал в дверь нашей каюты вскоре после ухода капитана, но запах ароматических притираний, которыми он щедро умащивал свое тело, травмировал мое слабое обоняние минуты за две до этого.

– Вы позволите? – спросил он. Голос его был тих и нежен. Кожа бела, золотистые локоны густы и шелковисты, а печальный взгляд голубых с поволокой глаз, мерцавших подобно двум сапфирам из-под длинных, слегка изогнутых ресниц, был томен, словно южная ночь. Словом, он принадлежал к той породе мужчин, которых хочется либо переодеть в женское платье, либо с ходу расквасить им нос.

Впрочем, не раз имея возможность убедиться в том, что внешность обманчива, я не торопился с физиономическими выводами.

– Позволю, черт возьми, – громыхнул Эдвар, отрывая взгляд от карты. – Так это ты наплел сказок капитану о Сен-Мартетском Аббате?

– Я, ваше сиятельство. Только, видит Бог, это не сказки.

– Постой, – перебил я. – Дай-ка мне. Любезнейший, – обратился я к красавчику, удивленно взиравшему на нас. – Давай по порядку. Как ты попал в плен к пиратам?

– С позволения вашей милости. – Трубадур испытующе поглядел на меня, ожидая реакции на титулование. Он явно не знал, с кем его столкнула судьба, и, похоже, очень боялся попасть впросак.

Я молчал, ожидая продолжения рассказа.

– Вашего высочества, – недовольно поправил его коннетабль.

– О, извините, ваше высочество, я и в мыслях не имел...

– Мне повторить вопрос? – прервал я галантерейного певца, понимая, что сейчас мне на голову грозит излиться поток куртуазностей, подобный тропическому ливню.

– С позволения вашего высочества, покойный король Ричард, которому я имел высокую честь быть представленным, решив, видимо, сделать меня счастливейшим из смертных, в несказанной милости своей пригласил меня, недостойного, вкушать счастье, коим он меня столь щедро и благосклонно одаривал, к своему блистательному двору, коему не было равных ни в Европе, ни в отдаленных землях Леванта, мужество рыцарей и прелесть дам которого затмевают все, ранее ведомое, дабы я, в меру скромного таланта моего, усладил мелодичным пением слух его благородных придворных...

Эд обхватил голову руками и, завыв, словно волк, мучимый запором, начал раскачиваться из стороны в сторону.

Поистине, все познается в сравнении. После такого паводка бессмысленных витиеватостей рассказ капитана казался лаконичным, как сводка новостей.

«Интересно, – подумал я. – Если бы я остался „вашей милостью“, может быть, он стал говорить менее напыщенно?»

– Выражайся проще! – воззвал я к христианскому милосердию пиита. – Король Ричард пригласил тебя приехать в Англию и петь там при дворе? Да или нет?

– Да, ваше высочество...

Я отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Скорее всего дело обстояло не совсем так, как представлял себе вдохновенный пасынок Аполлона. Зная, как мало времени наш покойный друг Ричард проводил в Англии и помня его любовь к разного рода грубым забавам, можно пред-

положить, что, отобрав самого вдохновенно-нудного из всех трубадуров Южной Франции, король попросту отослал его в Лондон, при этом одним махом открыв прелестному гастролеру все двери королевства и изрядно, я думаю, прибавив тем самым головной боли и несварения желудка диковатым английским баронам.

– Ты плыл на корабле, который захватили пираты?

– Точно так, мой принц. Вы представить себе не можете...

– Могу. Оставим это. Что ты делал в плену?

– Господь, не покидающий страждущих...

– Проще, черт возьми! Или я выкину тебя за борт и ты пойдешь во Францию пешком!

Любимец муз испуганно заморгал, порывисто хватая воздух ртом.

– Продолжим. Ты попал к Аббату?

Музыкант кивнул.

– Что ему от тебя было надо?

– Я играл ему и пел, – тихо выдавил он.

– Вот, уже лучше. Он что, любит музыку?

– О нет! Но этот пират изображает из себя большого сеньора. Его все еще именуют Аббатом, но он уж требует от своих гнусных разбойников, место которым...

– Э-э-э! Ты хорошо начал. Я знаю, где место гнусным разбойникам!

– Он требует, чтобы они звали этого грязного борова герцогом де Сен-Маргет.

– Понятно. Он уже сделал себе двор из всякого сброда?

– Вы говорите так, будто вам все ведомо наперед. Вы ясновидящий?

– Нет. Я просто видящий ясно. Итак, вы играли и пели.

– Да, ваше высочество. Каждую ночь этот мерзкий душегуб приводил с собой двух девиц из нескольких десятков, живших у него в плену и устраивал с ними жуткую оргию, отвратительный вид которой взывал к небесам об отмщении. А я был вынужден играть и петь для них.

У меня больно кольнуло сердце.

– Как ты бежал?

– Однажды совершенно случайно мне удалось увидеть потайную дверь, ведущую из спальни пирата в подземный грот. Там были спрятаны лодка, оружие, запас еды и золото. Очень много золота. В общем, все, что нужно для побега и дальнейшей безбедной жизни. Страх толкал меня на действие. Я вышел в море и, каждую секунду ожидая погони, греб что есть сил. На мое счастье, Господь во всеблагости своей сжалился надо мной и к исходу второго дня меня подобрал английский корабль. Вот и вся моя история.

– Ты должен будешь нам помочь, – тоном, не допускающим возражений, отрезал я. – Мне надо будет проникнуть туда. В спальню Аббата. Найдешь дорогу?

Трубадур широко открыл глаза и, побледнев, пристально уставился на меня. Я не шутил.

– Найду, ваше высочество, – прошептал он.

– Вот и чудесно! Эд, что там у тебя выходит?

Меркадье, решивший предохранить свое душевное здоровье от натиска высокого слога, все время допроса, сидя над своей картой, занимался какими-то непонятными исчислениями.

– Завтра до заката остров будет у нас на траверзе!¹¹

---

¹¹ Траверз – направление на какой!либо предмет, перпендикулярное курсу корабля.

Глава третья

На любой ваш вопрос дадим мы ответ: У нас есть «максим», а у вас его нет!

Английская солдатская песня времен англо-бурской войны

Иль-Сен-Маргет темнел на горизонте, подобно огромной драконьей голове, выглядывающей из морской бездны. В зыбких весенних сумерках зубчатый гребень крепостной стены, венчавший поросшее редколесьем нагромождение гранитных скал, сливался с шипастым каменным хребтом, сползающим в море, придавая пейзажу вид мистический и жуткий.

– Один жонглер, в высшей мере заслуживающий доверия, – зашептал Гарсьо де Риберак, лежа на дне небольшой лодки, медленно дрейфовавшей в сторону острова, – рассказывал мне, что в незапамятные времена вся гряда этих островов, первым из которых является Сен-Маргет, была огромным крылатым змеем.

Трубадур словно читал мои мысли. После нашего вчерашнего знакомства он сильно изменился в лучшую сторону. Во всяком случае, теперь сей вдохновенный певец избегал перегружать свою речь изысканной бессмыслицей в галантном духе. Правда, пока что это удавалось ему с трудом, и он то и дело замолкал, подбирая слова и избегая витиеватостей.

– Этот змей, или, по-другому, Дракон, – продолжал он, – был совершеннейшим сосредоточием всяческой премудрости и всеми признанным отцом магического знания.

Я прислушался. Кажется, Оберон тоже как-то упоминал о драконе, обладавшем магическими способностями.

– ...У него был ученик. Человек. Совершеннейший из людей. Постигнув нелегкую науку магии и трансмутации,¹² он странствовал по свету, делясь крупинками своего знания с жителями Ойкумены. И те становились сильнее, и смело открывались глаза их, и гордо глядели они на мир вокруг себя. Чем больше становилось таких смельчаков, тем меньше оставалось страха в сердцах племен и народов – тем скуднее становились жертвы, приносимые Дракону...

Трубадур вещал, самозабвенно прикрыв глаза, перейдя с шепота на негромкий напев. Похоже, брызги волн, беспокоившие его поначалу, сейчас потеряли для него всякое значение. Вот уже около часа мы медленно приближались к острову. Начинало темнеть, и скоро уже можно было налегать на весла. Пока же мы старались не высовывать носа из-за борта, лишь изредка макушка Сэнди, лежавшего у руля, на какую-то долю секунды появлялась над кормой.

– ...Тогда этот Дракон разъярился и в отместку за непокорство начал сжигать города и поселения своим пламенем. Не знаю, долго ли это продолжалось, но однажды, прилетев на высочайшую гору, где было его логово, он увидел, что вершина ее пылает жаром и подземный огонь сокрушает его каменную твердыню. В неистовстве Дракон взмыл под небеса и, сокрушая все на своем пути, полетел в эти края, где в кругу учеников жил тогда первый из людей, обладающий могуществом тайного знания. Ибо никто, кроме него, не мог вызвать возмущение стихийных духов, уничтожившее жилище змея. Где-то здесь тогда находился огромный остров, именуемый Островом Мудрых. Когда же величайший из земных магов, имя которого было Тотус...

«Гермес Тот», – про себя поправил я певца.

– ...узнал, что эта ужасная тварь приближается, он вызвал такую грозу, что молний в небе было больше, чем травы на земле. Пораженное в крыло, чудовище рухнуло в волны и, извиваясь от боли, полыхнуло огнем, опалив благодатный остров, а поднимаемые им огромные

---

¹² Трансмутация – переход одного вещества в другое. Один из основных предметов изучения в алхимии.

волны прокатились по городам и поселкам его вслед за стеной бушующего пламени. Мало кто спасся в этот час. Но и им бы довелось расстаться с жизнью, ибо израненный Дракон еще продолжал биться в предсмертной муке, вздымая все новые и новые валы и изрыгая потоки пламени. И тогда Тотус, первый и могущественнейший из магов, которому были подвластны духи стихий, наложил великое заклятие на своего бывшего учителя и нынешнего врага.

Гарсьо замолчал и задумался, переводя дух и делая эффектную паузу для выделения концовки своего повествования.

Я лежал, прижавшись к сырым доскам борта, вслушиваясь в плеск волн и рассеянно слушая негромкую речь трубадура. Легко было догадаться, чем закончится смертельная схватка чудовища и Тотуса-Гермеса, почему-то поселенного народным воображением на прародине его предков.

Сквозь сгущающиеся с каждой минутой сумерки все еще довольно четко виднелись очертания обрывистого утеса, напоминающего настороженно поднятое вверх драконье ухо. Что и говорить, в окаменевшем виде доисторическое страшилище выглядело более привлекательно, чем в живом, даже принимая во внимание его пиратское настоящее.

– Пора! – подал голос с кормы Сэнди, поднимаясь и поудобнее усаживаясь на шлюпочную банку.¹³ – С берега нас уже не увидеть. Куда править-то?

Наш проводник, бледность которого была заметна даже в сумерках, решил отложить завершение повести о славных деяниях повелителя стихий до лучшего раза и начал пристально вглядываться в горизонт. Я между тем спустил весла на воду и, стараясь плескать как можно меньше, стал грести к берегу.

– Вон туда, – трубадур указал пальцем на левую оконечность утеса, – там у основания большой камень. За ним что-то вроде бухточки. Она нам и нужна.

Спустя что-то около получаса мы были на месте. Вблизи драконье ухо оказалось более чем обитаемым. Глядя на десятки тысяч единиц пернатой живности, из которых чайки, на мой взгляд, отличались наибольшей молчаливостью, я невольно с грустью подумал, что доведись сегодня какому-нибудь могущественному магу снять заклятия с острова – чудовище бы оказалось не только колчекрыло, но и глуховато на одно ухо от многовековых птичьих воплей, висевших над этим местом.

Найдя указанный Гарсьо камень, мы действительно обнаружили малюсенькую бухточку, надежно прикрытую от буйства стихий. Правда, здесь едва могла развернуться наша лодка, но большего и не требовалось.

Отыскать «пожарный» выход из покоев пиратского преподобия не составило особого труда. Беглый певец, подобно большинству людей, имеющих дело с созданием и запоминанием больших текстов, обладал цепкой памятью.

Не могу сказать, что «тайная тропа», по которой нам предстояло проникнуть в глубь обороны нашего, надеюсь, еще не ведавшего о нападении противника, была удобна для передвижения. Нам вновь пришлось улечься на дно лодки и, упираясь в борта ногами, буквально проталкивать вперед нашу посудину, отталкиваясь руками от низкого каменного свода. Наконец этот этап пути был пройден и мы достигли того места, где, как выражался Лис, «царь Кощей над златом чахнет».

Злата здесь действительно оказалось вполне достаточно для полного зачаканья. Конечно, после сокровищ, найденных нами в подземном хранилище Венджерси, наша с Шаконтоном психика была уже закалена настолько, что мы могли созерцать картину подобного изобилия без видимого ущерба для нее, но глаза Гарсьо сверкали таким отраженным блеском и вся его фигура была полна такой гордости, что невольно создавалось впечатление, будто он демонстрирует собственную скромную коллекцию произведений искусства.

---

¹³ Банка – скамья в лодке.

«Коллекция» была аккуратно упакована в плотные мешочки и небольшие сундучки, снабженные для удобства переноски ручками. Похоже, кто-то здесь всерьез задумывался о возможном отъезде. Рядом с золотым запасом Сен-Маргета располагались арсенал и небольшой продовольственный склад. Все это находилось в образцовом порядке, и, судя по тому, что на вбитых в потолок крюках висели свежие копченые окорока, посещение этого грота было едва ли не ежедневным делом для смиренного настоятеля здешнего аббатства.

– Кстати, очень любезно с его стороны, – кивнул я вверх, на вырубленную в скальной породе узкую лестницу, и отрезал увесистый ломоть от ближайшего окорока. – Сэнди, оглядись, будь добр. Клянусь гвоздями распятия, не может быть, чтобы любезный хозяин не оставил здесь хотя бы одну бутылочку вина.

Шаконтон с плохо скрытой укоризной поглядел на меня. Очевидно, по его мнению, мне следовало гордо запахнуть в плащ и, дико вращая глазами, ворваться в разбойничье логово, сокрушая врагов, словно кегли. До него явно доходили слухи о подобных выходках славного Ланселота и отважного Тристана. Возможно, тут певцы великих подвигов сих неугасимых светильников рыцарства и были правы. Крушить несметные полчища коварных врагов на голодный желудок куда сподручнее и веселее, чем после сытного ужина, но вот вести переговоры в то время, когда проснувшийся в тебе зверь злобно завывает от голода, – дело абсолютно пустое.

Сэнди пошарил взглядом, отыскивая что-либо покрепче плескавшейся невдалеке от нас воды. Это было несложно. Ящики с горячительными напитками стояли буквально в пяти шагах от него. Но едва булькающая вожаделенной влагой бутылка очутилась в его руке, совсем рядом от нас послышался до боли знакомый звук звенящей кольчуги. Оставив мою жажду без законного утоления, доблестный оруженосец резко повернулся, обнажая меч.

Несколько отставший от нас Гарсьо спешил занять свое место в строю.

Я невольно забыл о бутылке, все еще сжимаемой Сэнди. Существа более нелепого мне давненько не доводилось видеть. Доспех, надетый поверх франтовского блио пылкого трубадура, был бы, пожалуй, впору старине Россу, то есть несколько великоват мне. На Гарсьо же, чье теловычитание вообще не предполагало ношения одежды тяжелее шелковой, он выглядел просто угрожающе. Для здоровья певца. Тем не менее он старательно пытался не сутулиться под весом железной рубахи, немилосердно хлеставшей его по коленям при каждом шаге. Щит, шлем, меч – в общем, весь малый джентльменский набор бесстрашного воителя – отягощали и без того тягостную картину ратного использования этого неверного любимца муз. Клянусь своими золотыми шпорами, фотография нашего спутника, помещенная на обложке какого-нибудь журнала, могла бы сослужить хорошую службу активистам движения пацифистов, неумолимо свидетельствуя о нелепости всех этих аксессуаров мужской крутости.

– Ты это зачем? – едва не поперхнувшись, спросил я.

– Я иду с вами, милорд, – гордо произнес он, стараясь расправить согбенные кольчугой плечи, – я жажду отмщения!

Сэнди от такого известия как-то конвульсивно откупорил бутылку и нервно начал вливать ее содержимое в себя.

– Это ты хорошо придумал, – окончательно приходя в себя, произнес я. – Может быть, нам стоит подождать тебя здесь?

Однако, похоже, несмотря на вылезшую внезапно склонность к вендетте, этот бравый вояка не горел желанием возглавить, или, точнее, составить наш авангард. Он смущенно остановился, как-то странно сверля взглядом недоеденный мной кусок мяса.

Видимо, мысли о воинском братстве и благородной отваге, витавшие в набитой поэтическими бреднями голове трубадура, переживали в этот момент мучительную трансформацию, что, к моей радости, отрицательно влияло на его речевые способности.

– Ты согласен делать то, что я тебе прикажу, или мне тебя тут утопить, чтобы не путался под ногами? – спросил я, кровожадно откусывая очередной кусок мяса. Конечно, моя угроза

стоила не более чем угроза родителей продать на базаре свое любимое шаловливое дитя. Но, похоже, месье де Риберак воспринял ее буквально.

Нервно моргнув раза три, он прошептал, выдавливая из себя каждое слово:

– Я... слушаю... вас... мессир.

– Вот так-то лучше, – ответил я, понимая, что пришло время действовать и обеденный перерыв, как это ни прискорбно, пора заканчивать. – Сними шлем и отдай его Сэнди.

Гарсьо моментально повиновался, и конический шлем, когда-то, видимо, украшавший бесшабашную голову какого-нибудь викинга, перешел в руки Шаконтонна.

– Сходи послушай, что там наверху. Знаешь, как этой штуковиной пользоваться? – обратился я к своему оруженосцу. – Если в комнате кто-нибудь есть, спускайся вниз. Если нет – кинь вниз камешек.

Александр молча кивнул. С этой минуты для него существовало только дело, ради которого мы сюда пришли, и даже повестка на Страшный Суд не могла уже помешать ему довести его до конца.

Стремительно и тихо, как горный барс, почуявший добычу, юноша вознесся по ступеням к заветной двери. Через несколько минут вниз по ступенькам защелкал маленький осколок гранита.

– Вот и славно. Сделаем хозяину сюрприз.

– Милорд, – звеня при каждом движении своей необъятной кольчугой, осведомился наш трубадур, – а что делать мне?

– Тебе? Знаешь что, ступай набери доспехов, щитов и всяческой прочей бряцающей амуниции и волоки их наверх. Мне нужно следующее: когда я скажу «Не делайте глупостей!» вся эта упряжь должна зазвенеть. Понял?

– О, конечно же...

– Прекрасно. Досчитаешь до ста и заканчивай перезвон.

– Я в точности исполню все, как вы говорите, ваше высочество. Мое сердце преисполнено гордости...

– Не сомневаюсь в тебе, мой друг! – Я напутственно хлопнул трубадура по плечу.

Ждать пришлось довольно долго. То ли вечерняя трапеза, то ли благочестивая молитва удерживали отца-настоятеля от возвращения в стены опочивальни, где уже битых часа два дожидалась его пара закоренелых грешников, смиренно жаждущих перекинуться с ним словечком вдали от посторонних глаз.

За время нашего ожидания я успел хорошенько рассмотреть спальный покой Сен-Маргетского Аббата. Он был не плох, совсем не плох, но безнадежно безвкусен. Обилие позолоты и шелковых драпировок соседствовало с гобеленами, которых тут было так много, что для того, чтобы развесить их все на стенах, большинство из них пришлось несколько присобрать. Но венцом царящей здесь неумейной роскоши было нечто, видимо, символизирующее парадный портрет достойного хозяина здешних мест. Главный герой сего нетленного шедевра величаво стоял на палубе своего флагмана, слегка возвышаясь над его мачтой, и приветственным жестом вытягивал вперед руку, сжимающую меч. Вокруг в изысканных позах суетился народ, и плутовато выглядывающий из барашковидных облаков Господь широко улыбался, воздавая должное своему неистовому слуге.

Сие творение кисти неизвестного автора было установлено на камине, как раз напротив многоспального ложа его преподобия, очевидно, для того, чтобы, проснувшись, он смог немедленно вспомнить о том, какого рода обедню ему предстоит служить.

Наконец наше тягостное ожидание было вознаграждено, и, судя по раздававшемуся в коридоре смеху и радостному визгу «прихожанок», миг нашего свидания с преподобным пастырем приближался со скоростью нетвердой походки «святого отца».

Я показал Сэнди на факел и стоящую в углу бадью с водой. Он согласно кивнул головой. Пламя, зашипев, погасло. Только в камине негромко потрескивал разведенный нами огонь.

– Черт, как тут темно! – прогремел на пороге голос, который сложно было заподозрить в чтении псалмов и пении благодарственных молитв.

– Это вы точно подметили, ваше преподобие, – тоном, полным христианского смирения, произнес я.

Слабый сдавленный писк был аккомпанементом этих слов. Подружки Аббата с некоторой помощью Сэнди встретились лбами в потемках, отчего их возможность участвовать в предстоящей вечеринке временно свелась к нулю.

– Проклятие! Ты еще кто такой? – негодуя взревел бывший монах.

– Я призрак! Дух твоего убиенного брата. Какого, на выбор, решай сам.

– Задница дьявола! – возмутился хозяин, пытаясь схватить котту на груди Шаконтон. – У меня нет братьев! Нет и никогда не было. У меня шесть сестер!

Сэнди развернулся, руки его качнулись, словно ветви дерева на ветру, затем левая его ладонь тисками сомкнулась на запястье пирата, а правая врезалась ему в челюсть. Поворот. Тело рухнуло на пол.

– Сэнди, надеюсь, ты ничего ему не сломал?

Брат Клод застонал и, выплюнув пару выбитых зубов, попробовал сесть.

– Больно? – посочувствовал я. – Ну ничего. Это даже полезно. Отбивает охоту к чересчур резким и необдуманным движениям.

– Кто вы такие, черт возьми? – Аббат, болезненно морщась, начал разминать вывихнутую руку.

– Я – Вальдар Камдил, сьер де Камварон, а это мой оруженосец. Я желаю задать вам, ваше преподобие, несколько вопросов. И от того, как вы на них ответите, зависит, доживете ли вы до утра.

– Стоит мне только крикнуть, – начал было отставной священнослужитель.

– А вот кричать вам как раз не стоит. – Я повысил голос так, чтобы меня было слышно за стеной. – Не делайте глупостей. Вы же понимаете, что я тоже пришел сюда не один?

Со стороны черного хода не раздалось ни звука.

«Этого еще не хватало! Мыши его там съели или со слухом у бедняги проблемы?» – забеспокоился я. Однако возможности проверить, что стряслось у оставленного нами в арьергарде месье де Риберака, не было никакой, поэтому я продолжал, невзирая на прокол со спецэффектами: – Будьте благоразумны. Я пришел поговорить с вами, а вы рветесь в драку, как какой-нибудь пьяный матрос. К тому же что вам до стражи? Я все равно успею отрубить вашу голову до того, как она сбежится. К тому же в миле отсюда эскадра с армией Меркадь. Надеюсь, это имя вам что-то говорит?

Аббат понимающе поглядел на клинок Катгабайла, голубоватым пламенем мерцающий в моей руке. Похоже, сомнений в искренности слов своего неожиданного гостя у него не возникло.

– Камдил, Камдил?.. Не слышал о таком, – недовольно пробормотал он.

– Немудрено. У меня тоже не много знакомых в вашем кругу. Хотя... Вы знавали Ясона Кондалакиса?

Аббат как-то неопределенно хмыкнул.

– Да! Хороший был пират. Правда, последние месяцы о нем не слышать.

– Умер, – скорбно произнес я. – Мне довелось быть последним, кто видел его живым.

– И что же с ним...

– Перед смертью бедняга бросался на меня с мечом.

Брат Клод еще раз внимательно поглядел на Катгабайл.

– Позвольте, я сяду, – наконец произнес он.

– Да, да, конечно! Сэнди, придвинь табурет его преосвященству. Или, может быть, лучше сказать, его светлости?

Пират взгромоздился на обитое пурпурным бархатом сиденье. Отблески пламени камина падали ему на лицо, и наконец-то я смог разглядеть своего собеседника получше.

Он был коренаст, широкоплеч и, безусловно, очень силен. Его поросшее обильной рыжей щетиной лицо, живописно украшенное шрамом, спускавшимся со лба, через нос к верхней губе, мало свидетельствовало о благочестии, пусть даже и показном.

– Итак, милорд, или как вы там изволите именоваться, чем обязан?

– Меня интересует корабль «Элефант».

– Так! – Пират радостно хлопнул себя по колену здоровой левой рукой. – Я так и знал!

По-видимому, резкое движение доставило ему сильную боль. Он скривился и, бережно обхватив плечо, тихо выругался.

– А здорово он меня, – вновь обретя способность разговаривать, произнес Аббат.

– Это что! – пообещал я. – Он много таких фокусов знает. Так что лучше вернемся к «Элефанту».

– А что «Элефант»? Дней десять тому назад приплыл сюда один тип вислоносый, попросил захватить этот корабль. Деньги обещал неплохие, плюс вся добыча, что на корабле возьмем. Одно условие – девчонку, что на корабле плывет, отдать в подарок императору Оттону.

– Ну а ты что? – спросил я, готовясь к самому худшему.

– Дуракам позволено делать глупости, – произнес Клод, – а мне...

За стеной послышался стук, лязг и бряцанье кольчуги.

– Это ваши там развлекаются? – настороженно спросил пират.

– А, это? Да. Ничего, сейчас утихомируются.

Звуки действительно стихли.

– Я как узнал, что девчонка, которую захватить надо, – арагонская принцесса, сразу отказался. Не хватало мне хлопот с каталунцами. Император, он Бог знает где, а эти, почитай, всегда рядом. Не ровен час, наваху в спину всадят, и ойкнуть не успеешь.

– Это правильно. А как насчет дураков?

– Дураки, милорд, племя неистребимое. Они всегда найдутся. Отсюда этот вислоносый поплыл на Иль-Кантен, там Мило Мясник сидит. У него два когга, вот он при случае и лютует. Он-то как раз и согласился.

– Хорошо, я тебе верю, – произнес я.

– А это, милорд, дело ваше. Я что знал, то сказал, – с деланным безразличием хмыкнул лжесвященник.

– А что дальше? Известно ли что-нибудь о пассажирах «Элефанта»?

– Мило вроде бы захватил там кучу девчонок, – неуверенно сказал Аббат. – Мои говорят, он хочет их продать.

«Лейб-курятник, – с неожиданной злостью подумал я. – Что ж, информация не абы какая, но лучше, чем ничего. Главное, заказчик ясен. Об остальном позаботимся. Как говорится: „В эту игру можно играть вдвоем“. Для начала зайдем с „бубнового короля“.

– Послушайте, Клод. – Я вложил меч в ножны. – Я хочу поговорить с вами серьезно.

– Следует полагать, что до этого вы шутили? – Аббат скривил губы в ухмылке.

– Нет, но до этого я спрашивал, а теперь буду предлагать.

– Предлагать?

– Да. А потому, я прошу, слушайте меня внимательно. Это важно. Причем в первую очередь для вас. Вы человек, соображающий быстро и по-деловому, а потому поймете, что в ряде вопросов наши интересы совпадают, и если мы достигнем согласия, каждая сторона останется в выигрыше.

– Я должен вам верить? – усмехнулся пират.

– Для начала мне придется поверить вам, – ответил я. – Скажите, господин Клод, что вы видите на картине, которая висит над камином?

– Черт побери, это я! – возмутился Аббат.

– Несомненно, – согласился я. – Прекрасное полотно. Но я о другом. Человек, который изображен на картине, – адмирал, лорд, герцог, если хотите, а отнюдь не пират, чья сила – до первой неудачи.

Глаза отпетого головореза вспыхнули живым интересом. Похоже, наживка со свистом устремилась в желудок клиента.

– ...Я был в вашем тайнике, Клод. Он делает честь вашей предусмотрительности. Но не станете же вы утверждать, что устроили его с единственной целью сбежать, когда дело станет худо? Я прав?

Это был риторический вопрос. Желание подняться над толпой круглыми буквами было написано на лбу Аббата, оно вопило из каждого вызолоченного угла, с каждого квадратного дюйма дурацкого портрета, украшавшего камин.

Пиратское преподобие смерил меня долгим взглядом, словно пытаюсь догадаться, что у меня на уме, и кивнул, не сводя с меня своих серых глаз.

– Мы можем помочь друг другу, Клод, – тихо и медленно произнес я, заставляя собеседника напряженно вслушиваться в мои слова. – Вам нужно положение? Вы его получите. Даю вам в том слово.

– Что ж, у меня нет причин вам не верить. Ведь это вы в свое время освободили короля Ричарда? Потом заваруха в Англии? – Аббат вновь ухмыльнулся, его рассеченная губа приподнялась, обнажая в жутковатом оскале большой желтый клык. – Я вспомнил вас. Вы и вправду кажетесь человеком, держащим слово. Итак, что вы мне предлагаете?

– Вы получаете титул барона, увозите свои сокровища плюс деньги, которые я намерен вам дать. За это я просил бы вас помочь мне в одном деле.

– Что я должен делать?

– Сколько будут стоить девушки с «Элефанта»?

– Тысячи три золотом. Все они молоды и красивы.

– Отлично. Я выпишу вам вексель на банкирский дом Амальфи. У вас нет сомнений в состоятельности этого дома?

– Нет.

– Вот и прекрасно. Вы получите пять тысяч в конторе Амальфи в Нанте. Затем вам следует выкупить девушек и доставить их в Арагон.

– Это можно, – задумчиво кивнул Аббат. – Что дальше?

– Дальше вы получите еще тысячу солидов в конторе Амальфи в Барселоне.

Монах присвистнул.

– Никогда еще не доводилось получать такие деньги за такие пустяки. Еще что-нибудь?

– Да, в общем, все. Кстати, Клод, вам не кажется, что этот, как там его, Мясник перешел все границы, позволив себе взяться за дело, от которого вы отказались? Похоже, он хотел продемонстрировать свое неуважение?

Дальнейшие переговоры заняли еще минут пятнадцать, в течение которых я выписывал обещанные векселя и сорил комплиментами в адрес «радушного хозяина».

– Послушайте, милорд Вальдар, – задумчиво спросил Аббат, закрывая двери за мной и Сэнди. – Вы уверены, что Ясон Кондалакис мертв?

– Да уж мертвее не бывает.

– Спасибо! Это хорошая новость.

Мы вновь очутились на лестнице. Наш трубадур сидел внизу, освещенный слабым светом чадающего факела, самозабвенно погружившись в чтение каких-то пергаментов, извлекаемых

им из небольшого ларца, инкрустированного слоновой костью. Услышав наши шаги, он поднял голову и как-то непонимающе уставился на нас.

– Простите, мессир Вальдар. Я тут нашел. – Он указал рукой на свитки. – Что, все уже кончилось?

– Нет, Гарсьо. Все только началось!

Глава четвертая

Каких исключений не сделаешь для высокопоставленного клиента!
Ник Николс (Клетчатый)

Подгоняемая попутным ветром и крепкими выражениями Меркадье эскадра обогнула Бретань и, отправив в Нант несколько кораблей, неумолимо двигалась дальше на юг, к Бордо, где, по мнению Эда, должен был находиться главный лагерь его армии. Рассекая штевнем лазурные волны Атлантики, «Северный лев» стремительно приближался к Бискайскому заливу, спеша вонзить деревянные когти своих сходен в тело благословенной Франции.

– Значит, опять Оттон! – Коннетабль яростно мерил шагами свою каюту. Измерения все время приводили к одному и тому же неутешительному результату: четыре шага в ширину и шесть в длину. – Даже не знаю, чем тебе помочь. Знаешь что? Отбери себе из армии десятка три бойцов получше и езжай с ними в Арелат!

Я покачал головой.

– Незачем. Лимузен, Овернь, Жеводан – путь не близкий, и, заметь, это только земли Филиппа, а еще Пуату, Марш. Быть того не может, чтобы такой отряд не заметили. А мне сейчас воевать совсем не с руки. Я уж как-нибудь своими силами управлюсь.

Эд пожал плечами.

– Как знаешь. Если вдруг что понадобится – обращайся. Доберешься до императора, передай ему от меня привет. – Меркадье поднял кулак, наглядно демонстрируя величину привет. – Завтра я отправляю три нефа в Ла-Рошель с отрядом барона де Монтереля. Он окажет тебе всю возможную помощь. И да поможет нам Бог!

Вечно строящаяся, а потому пропахшая ароматами олифы, краски и древесины Ла-Рошель встречала английскую эскадру радостным возбуждением. В общем-то, английского в ней было одно название. Начиная от командира отряда барона Даймонда де Монтереля, чей замок находился в трех лье севернее города, и кончая самым последним обозником – все прибывшие сегодня из туманного Альбиона воители были уроженцами здешних мест. Пожалуй, за исключением меня и Сэнди.

Под радостные крики толпы, встречавшей родных и близких, нефы один за другим медленно и горделиво подходили к пирсу. Белые флаги их с алыми крестами и вымпела с золотыми леопардами Плантагенетов плескали в воздухе над головами толпящихся на палубе людей, словно стремясь проникнуть подалее в глубь Франции.

И вот наконец были отданы швартовы, спущены сходни, и, приветствуемый воплями восторга, ведя в поводу гнедого коня, на берег сошел командующий эскадрой барон де Монтерель. Вслед за ним в полном боевом облачении шествовал его знаменщик, неся развевающийся двуххвостый штандарт с золотым львом в верте¹⁴ и тремя перевернутыми полумесяцами под ним. Следом шли мы.

– Куда прикажете доставить? – пробасил дюжий темноволосый грузчик с родинкой на щеке, легко и непринужденно подхватывая наш отнюдь не легкий сундук.

– В гостиницу «Морской конь».

– Это в «Перстень», что ли?

Я удивленно воззрился на здоровяка. Не похоже, чтобы активные занятия физическим трудом фатально сказались на его слухе. Видимо, что-то было с моим французским.

– Парень, я сказал тебе «Морской конь». Знаешь такой, хвост рыбий, а голова лошадиная?

---

¹⁴ Верт – зеленая эмаль.

– Ну да! Только эта гостиница уже скоро год как называется «Перстень», – радостно принялся объяснять грузчик. – С той поры, как ее обокрали. Ну что, господин рыцарь, нести или нет?

– Давай, – приободрил я парня, начавшего было терять интерес к чересчур болтливому клиенту. – «Перстень» так «Перстень».

Как я и предполагал, наш проводник не обманул. На месте старой вывески со странным земноводным гибридом нынче красовалась новая, изображавшая золотой перстень размером с хомут, украшенный крупным рубином под стать кольцу. Сияние, исходившее от камня, напоминало взрыв, такой, каким его рисуют в детских книжках. Сусального золота, которым оно было изображено, хватило бы на то, чтобы украсить средних размеров часовню.

«Похоже, дела здесь идут неплохо», – усмехнулся я.

Вывеска была не единственным новшеством в этом гостеприимном доме. Два крыла, пристроенных к главному зданию, наглядно свидетельствовали о правильности моих наблюдений.

– Пожалуйте, господин рыцарь! – Грузчик толкнул плечом дубовую дверь и, стараясь никого не зацепить, боком втиснулся в помещение.

В зале было многолюдно и, похоже, весело. Пышнотелая блондинка, удобно пристроившаяся за стойкой, расточая вокруг себя сияние своей многообещающей улыбки, беззастенчиво пользовалась успехом в его финансовом эквиваленте. Подхватив брошенную мной монетку, грузчик поставил на пол сундук и, не останавливаясь, чтобы пропустить заработанную чарку, устремился в порт, надеясь найти новых клиентов.

Протолкавшись к стойке, над которой вальяжно возвышалась местная дива, я постучал солидом по прилавку, чтобы привлечь к себе ее внимание. Получив свою порцию улыбок, я перешел к делу.

– Мадемуазель, мне нужен номер для меня и моего оруженосца.

– Прошу простить меня, господин рыцарь, но свободных номеров нет. – Красавица с профессиональным огорчением раскинула руки в извинительном жесте.

– Да? А хозяин?

– Хозяин есть. Но он нынче открывает таверну у городских ворот и до вечера его можно не ждать.

Такой оборот дела меня не устраивал аж ну никак. Мысль о том, что вновь придется тащить сундук к городским воротам и обратно, подстегнула мои дипломатические способности.

– Ай-ай-ай! – горестно вздохнул я, катая по стойке перед блондинкой золотой. – Мэтр Оливье наверняка будет крайне расстроен, когда узнает, что я заезжал, но вынужден был остановиться в другой гостинице, не дождавшись его...

Я демонстративно развернулся, собираясь уходить. Монетка, как бы сама собой выскользнувшая из моих пальцев, покатилась и упала к ногам девушки. Не обращая на это внимания, я сделал первых два шага к двери.

– Постойте, милорд! – послышался за моей спиной мелодичный оклик. Я обернулся.

– Если вашей милости будет угодно, я pošлю одного из местных мальчишек к городским воротам. – Девушка лучезарно улыбнулась мне. Явно в гостинице не каждый день останавливались люди, не обращавшие внимания на случайно оброненные золотые монеты.

– Как прикажете доложить? – кокетливо спросила барышня.

– Доложи просто, – ухмыляясь в усы, ответил я. – Приехал хозяин перстня.

В глазах барменши отразился свежевзбитый коктейль удивления и веселого неподдельного интереса.

– Уж не извольте сомневаться, будет исполнено, – почтительно отозвалась она. – Эй, Жак! Поди сюда! – крикнула местная топ-модель в полуоткрытую дверь кухни, из которой доносились весьма аппетитные запахи. – А пока не желаете ли перекусить?

– Да, пожалуйста. – Я катнул ей пару денариев. – Что-нибудь действительно съедобное. И вина. У вас «Кленси» есть?

– Есть, ваша милость. – Она сделала неопределенное движение, и смышленного вида бойкий юноша, моментально материализовавшись перед нами, повел знатных гостей на белую половину.

Обслуживание в гостинице было поставлено из рук вон хорошо. Нам не пришлось ждать, пока, обсудив с прислугой все местные новости, гарсон подаст нам недожаренный бифштекс, мотивируя его «сырость» тем, что бифштекс должен быть с кровью. Наоборот, едва мы успели занять место за чисто выскобленным столом, как нам было уже что выпить и чем закусить.

– Я давно хотел вас спросить, мессир Вальдар. – Сэнди на секунду остановил движение своих мощных челюстей. – Вы не боитесь, что он вас обманет?

– Кто? – недоумевающе спросил я, разглядывая полуобглоданную гусиную ножку в своей руке. – Гусь? Или хозяин?

Шаконтон поперхнулся.

– Д-да нет же... Я говорю о Сен-Маргетском Аббате.

– Интересно, как ему это удастся? – возобновив обработку недоеденной ножки, флегматично заметил я. – Ты налей себе «Кленси», хорошее вино.

– Ну как же? – вскинулся мой оруженосец. – Ведь этот мерзавец получил такую огромную сумму! Целое состояние! Вы не боитесь, что он заберет деньги и сбежит?

– Ничуть. Он произвел на меня впечатление умного человека.

– А разве это не умно: получить деньги и сбежать? – в глазах юноши светилось искреннее непонимание логики моих поступков.

– Александер, ты меня огорчаешь. – Я тяжело вздохнул, чтобы показать, насколько он меня огорчил. Сэнди посмотрел на меня исподлобья; выражение его глаз ничуть не изменилось. – Давай рассуждать вместе, – предложил я ему. – Пират получил расписки на шесть тысяч солидов. Верно?

– Верно, – буркнул Шаконтон.

– Пожелает он их получить? Несомненно. А захочет ли он ими делиться? – На мой риторический вопрос Сэнди криво усмехнулся. – Правильно, не захочет. К тому же за первыми пятью тысячами ему пришлось бы плыть в Нант, где без девушек из свиты принцессы он будет встречен крайне недружелюбно; а уж поспеть к распродаже в срок ему не удастся при всем желании. Значит, скорее всего никакой распродажи и не будет. Наверняка его пиратское предположение без лишних сантиментов открутит голову своему коллеге, а все, что удастся положить при этом в карман, непременно туда положит. Мне очень слабо верится, – наливая себе вина, продолжил я, – что брат Клод станет платить за девушек своими кровными денежками, уж очень это на него не похоже...

– Да, но если он вообще не станет никого выкупать? – со своей неизменной настойчивостью допытывался Сэнди. – Возьмет да и скроется? И поминай его как звали!

Я устало поднял глаза к потолку.

– Александер, я же уже говорил, что он производит впечатление умного человека. Посуди сам! Ну скроется он со всей своей казной. Допустим, что ему это удастся. Ну а дальше-то что? Не так уж много в Европе людей, имеющих за душой три-четыре десятка тысяч солидов. Аскетизм этому монаху, как мы имели возможность убедиться, далеко не присущ. Ты сам был в его спальне.

Шаконтон понимающе кивнул:

– Да уж...

– Найти его будет не так трудно, – продолжал я развивать свою мысль. – А в том, что мы можем внезапно нагрянуть к нему в гости, наш деловой партнер уже убедился воочию. Да и в конце концов, чем мы рискуем? Кредитом короля Джона?

Юноша не отвечал. Он пристально смотрел в глубь зала. Судя по выражению его глаз, последние фразы я произносил исключительно для услаждения собственного слуха.

– Эй, Сэнди! – тихонько позвал его я. – Ты там не заснул?

– Вон тот, мордатый, – произнес Шаконтон, шевеля одними губами и зверея на глазах, – следит за нами.

Я удивленно поднял бровь.

– А тебе не показалось? – Сэнди отрицательно покачал головой.

– Нет, милорд. Он крутился у стойки, а сейчас сидит за вашей спиной.

– Может, это кто-то из воздыхателей этой девицы? – предположил я.

– Да нет же! Я видел его на «Северном льве»! Он следит за нами от самой Англии. Можно я его убью? – кровожадно осведомился мой оруженосец.

– Ни в коем случае! – Я положил ладонь на его сжавшийся кулак. – Если ты, конечно, не умеешь разговаривать с душами умерших. Сделай лицо попроще и опиши его.

Александр обиженно насупился.

– Он здоровый такой... Крепкий, видать, мужик. По повадкам – солдат.

– А волосы у него какие? Глаза, нос? – Сэнди недовольно запыхтел, пытаясь выразить словами свои физиономические наблюдения.

– Какие... Какие-какие! Обычные, как у всех. Небось не сеньор какой-нибудь.

Я крикнул от неожиданности.

– Ну ладно, разберемся. Ты давай, милый, кушай. Оно полезнее будет.

Парень бросил на меня угрюмый взгляд и приналег на фирменный салат этого заведения. Я скучающим взглядом обвел залу, убеждаясь, что за несколько дней нашего морского путешествия я тоже видел описанного Сэнди незнакомца, сидевшего за столиком у входа.

– Эй, милая! – позвал я блондинку за стойкой, моментально взорвавшуюся фейерверком улыбок. – Еще бутылочку «Кленси»!

Не успел я завершить свою просьбу каким-то дежурным комплиментом, как дверь гостиницы распахнулась и на пороге возник запыхавшийся хозяин. Щеки мэтра Оливье покраснели от быстрой ходьбы, он улыбался во всю ширь своей круглой физиономии.

– Это вы, вы! – радостно завопил он и устремился прямо к нам, норовя по старой привычке упасть на колени и облобызать мне руку. Я вовремя успел сделать шаг вперед, чтобы подхватить его под руки. Окрыленный моим дружеским объятием, хозяин обернулся и зычно заорал на всю гостиницу:

– Господа! Сегодня все пьют за счет заведения!

Надо заметить, что с прошлой нашей встречи мэтр Оливье набрал лишних фунтов двадцать, а его платье из дорогого сукна свидетельствовало о немалом достатке этого предприимчивого человека.

– Как я рад видеть вас вновь! Я стольким вам обязан, мессир Вальдар! Если бы не вы!.. – от избытка чувств он прижал пухлые лапки к груди, делая шаг назад. – Чем могу быть вам полезен?

– Мы только с корабля, нам нужна комната на день-два. Ваша красotka, – я кивнул на барменшу, с восторгом наблюдавшую нашу трогательную встречу, – говорит, что все номера уже заняты.

– О, что вы! – Хозяин в притворном ужасе завел глаза к небу. – Вайолет просто не знала, кто к нам пожаловал. Ваша комната всегда в вашем распоряжении. С того памятного дня мы никому ее не сдаем. – Он хитро подмигнул мне.

– Отлично. Сэнди, сходи на корабль, распорядись, чтобы наших лошадей привели в эту гостиницу. А лучше проследи сам.

– Жак, несите вещи господина рыцаря наверх! – раздался возглас мэтра Оливье.

Заметив, как меня передернуло при воспоминании об этом ужасном случае, хозяин заго-ворщицки наклонился ко мне и зашептал на ухо:

– На самом деле его зовут Арчимбаунт. Но с тех самых пор всех слуг в «Перстне» зовут Жаками. Эй, Вайолет! Принеси-ка сюда бутылочку моего! Попробуйте, милорд, с моего лич-ного виноградника.

– Непременно, милейший Оливье. Я чрезвычайно тронут вашей заботой.

– Ну что вы! Я вам стольким обязан... После того как по вашему распоряжению сюда вернули все похищенное, а особенно после того как стала известна история, происшедшая с несчастным Жаком, ни один вор под страхом смерти не согласится сунуть свой нос в мою гостиницу. Мы стали лучшим заведением в городе! – Хозяина просто распирало от гордости. – Как вы слышали, я открыл сегодня еще одну корчму у городских ворот...

Понимая, что добродушный Оливье может еще долго рассуждать об успехах новой эконо-мической политики, я вежливо прервал его:

– Да-да. Сердечно рад за вас. Возможно, мне понадобится ваша помощь.

Хозяин гостиницы насторожился.

– Чем могу вам быть полезен, милорд?

– Сейчас мне надо будет выйти. Некий мужчина последует за мной. После того как мы окажемся на заднем дворе, закройте дверь. Откроете, когда я постучу вот так. – Я тихо побара-банил пальцами по столу. – Запомнили?

– Да, ваша милость, – неуверенно отозвался мой собеседник. На его лбу выступили мел-кие бисеринки пота. – А-а-а... Это не повредит престижу заведения?

– Не беспокойтесь. Максимум, что может быть, – этому джентльмену станет худо, и он вынужден будет переночевать в моем номере. Вы поняли? – Мэтр согласно наклонил голову и направился к стойке, рядом с которой виднелась дверь черного хода. Посидев еще немного за столом, я встал и сделал вид, что мне нужно срочно отлучиться из залы по делу, совершенно не терпящему отлагательств. Закрывая за собой дверь, ведущую на задний двор, я убедился, что здоровяк, следивший за нами, воровато оглянувшись по сторонам, направился вслед за мной.

«Не профессионал, – подумал я. – Профи бы подождал, пока я буду возвращаться обратно».

Я встал у стены за дверью, сняв кожаный ремешок, в обычное время выполнявший на перевязи моего меча чисто декоративные функции. Через пару мгновений дверь скрипнула и в образовавшейся щели показалась лохматая голова моего преследователя. Голова начала тре-возно озираться в поисках моей персоны. Не дав громиле насладиться в полной мере изыс-каным пейзажем заднего двора, я в ту же секунду схватил его за лохмы на макушке и что есть силы приложил незадачливого браво¹⁵ о каменную стену.

Свет померк в его глазах, и из обмякшей правой руки со звоном выпал кривой абордаж-ный кинжал. Я втащил его на задворки и услышал, как добросовестный мэтр Оливье задвигает засов на двери. С той ловкостью, с которой улыбающийся продавец в супермаркете упаковы-вает рождественский подарок, я отработанным движением увязал этого типа и с большим, при-знаться, трудом подтащил его тушу к сточной канаве, благодаря при этом Господа за свое сла-бое обоняние. Отпустив пленнику пару увесистых пощечин, я стал наблюдать, как он приходит в себя. Наемник дернул головой, тут же убедившись, что ременная петля, которой было схва-чено его горло, не позволяет ему делать резких движений, тихо застонал и выругался сквозь зубы:

---

¹⁵ Браво – в Италии: буквально – «смельчак», в обиходной речи – обозначение наемного убийцы.

– О-о, дерьмо!

– Ты прав как никогда, дружок! – отозвался я на его не очень приличную реплику. – Может, объяснишь, чего ради тебя понесло вслед за мной с этакой железякой в руке?

Поза с руками и ногами, туго стянутыми за спиной, позволяла моему собеседнику безболезненно разве что моргать. Поэтому, изобразив на лице крайнюю степень невинности и испуга, он захлопал глазами и начал гнусно канючить, давя на жалость:

– Не убивайте меня! Простите меня, господин рыцарь, я бедный человек, мне нужен был только ваш кошелек!

– Эту песню я знаю: папа умер, мама умер... Тебя что, мой кошелек еще в Англии завожил, что ты сюда за ним притаился?! – бешено сверкая глазами и всем своим видом изображая озверевшего феодала, громыхнул я.

– Да не-ет, я из этих мест, благородный сеньор, – плаксиво заголосил верзила, делая попытку порвать ремешок из кордовской кожи. – Я местный, семья голодает... – При этих словах петля нестерпимо впиалась ему в горло так, что он побагровел.

– Прекрати дергаться, дурак! Сам себя удавишь! Местный, говоришь? Да ни один местный вор не будет воровать в этой гостинице! Единственный, который решился на это, умер страшной смертью: постарел за одну ночь лет на восемьдесят. Ты будешь вторым. Твоя смерть будет не менее ужасна: я утоплю тебя в нужнике. – Я угрожающе отвел ногу, словно готовясь столкнуть наглеца в канаву. Ужас отразился на лице моего незадачливого преследователя.

– Нет! Не убивайте! Я сделаю все, что вы прикажете, милорд!

– Кто тебя послал, ублюдок? – тихим шипящим голосом спросил я не на шутку перетрусившего громилу.

– Человек от короля! – Несчастный затараторил так быстро, насколько позволяла ему петля, стягивающая шею. – Я был солдатом короля Джона. После разгрома при Гастингсе спас свою шкуру, укрылся с парой дружков в кустах. Месяца два жили грабежом, а потом, ближе к зиме, схватили нас – и в железную клетку. Дружки мои быстро ноги протянули, а я, видите, на свою беду, выжил. Приговорили меня к колесованию. Я уж приготовился Богу душу отдать, а за день до казни приходит ко мне какой-то человек в палаческом капюшоне и говорит: дескать, хочешь жить? Король тебя помиует, еще и денег даст, а моя, мол, вся работа – где-нибудь вашу милость втихую прирезать. Ну, я и согласился... Терять-то нечего.

– Как видишь, терять всегда есть что... Почему же именно тебя выбрали, чтобы мою милость укокошить? – задумчиво спросил я.

– А у меня память на лица всегда хорошая была. Я тюремщику как-то рассказал, что видел, как милорда Вальдара Камдила под Гастингсом из стога вытаскивали. Он еще смеялся очень...

– Ладно, с тобой все ясно. Значит, так. Будешь делать, что я тебе говорю, – и жизнь свою глупую сохранишь, и деньги получишь. А нет, так и деньги тебе больше ни к чему.

– Конечно, конечно, милорд! Все сделаю! – с собачьей преданностью нервно зашептал парень. – Только не топите!

– Живи. – Я сделал эффектную паузу. – Пока. До ночи здесь полежишь, подумаешь. Потом за тобой придут. Все понял?

– Понял... – уныло отозвался он.

– Ну тогда приятного отдыха. – Я направился обратно к двери, подобрав по дороге оброненный наемником нож.

Забарабанив в филенку условным стуком, я подождал, пока хозяин откроет дверь, и, положив руку ему на плечо, зашептал:

– Дружище Оливье! Там, возле сточной канавы, лежит крепко связанный тип. Несколько минут назад он пытался выпустить мне кишки. – Толстяк испуганно зажал свой рот рукой. – Не волнуйтесь, – успокоил я его. – Как видите, со мной все в порядке. Но плохо то, что это

не простой разбойник с большой дороги. Его наняли мои враги – люди, должен вам сказать, очень могущественные. – Мэтр понимающе закивал, бледнея на глазах.

– Я знаю вас как человека храброго и преданного моего друга, – продолжил я психологическую обработку своего предполагаемого союзника.

– Конеч-ч-чно! – выдавил польщенный Оливье, клацая зубами.

– Когда стемнеет, этого негодяя надо незаметно перетащить в холодный погреб. У вас есть пустой холодный погреб?

– Есть! – с готовностью ответил хозяин, лучась бойскаутским энтузиазмом. – Мы храним там соленья на зиму.

Вот и прекрасно. На зиму – это хорошо. Дальше. Возьмите этот джупон.¹⁶ – Я протянул ему свою накидку. – Сходите на городскую бойню и, накрыв ею кабана, заколите его. Для верности нанесите три-четыре удара. Когда появится корабль, идущий в Англию, вручите мою одежду придурку, который пока пусть посидит у вас в подвале. Отдайте ему также вот эти двадцать денариев – чтоб не сдох с голоду, пока доберется до Лондона. Остальное, я полагаю, он придумает сам. Да, и проследите, чтобы он не сбежал и отплыл на корабле. – Дружески хлопая по плечу раздувшегося от гордости хозяина гостиницы, я, понизив голос, добавил: – Я ведь могу на вас положиться, мой славный Оливье?

– О-о! Да-а-а! Можете не сомневаться, я сделаю все, чтобы помочь вам! – Мэтр гордо расправил покатые плечи, отчего фламандское сукно, обтягивающее их, отчетливо затрещало. Не успел я разомкнуть дружеских объятий, как в залу гостиницы буквально влетел очередной мальчишка, носивший кодовое имя Жак, истошно вопя:

– Милорд! Милорд! Там, на площади... – Он едва перевел дух.

– Ну что еще? – встревоженно спросил я.

– Там быт вашего оруженосца!

---

¹⁶ Джупон – льняная накидка с изображением геральдической эмблемы владельца, надевавшаяся поверх доспеха.

Глава пятая

*Ну что, вздуем друг дружку?
Тру-ля-ля и Тра-ля-ля*

В первую минуту мне показалось, что я ослышался. Светлый образ Сэнди мало вязался с глаголом «бьют».

– Что ты несешь?! – Я схватил мальчишку за плечи и с силой встряхнул его несколько раз, чтобы он слегка поостыл. – Еще раз: кто кого бьет? – переспросил я мальчика.

– Там! Там на площади... они дерутся! Пойдемте скорее! – Паренек, не слыша моих вопросов, взалхлеб делился впечатлениями. – Он его ка-ак даст ногой! А он упал, как вскочит, и давай кулаками!.. И в глаз!

Я понял, что добиться вразумительных объяснений, кто кому дал в глаз, мне не удастся даже под угрозой расправы.

– Ладно, веди. – Я схватил парнишку за рукав и потащил к выходу. Тот, выскочив на улицу, со всех ног кинулся к ратушной площади, предвкушая продолжение щекочущего нервы зрелища. Время от времени он оборачивался, чтобы убедиться, что я следую за ним, и выкрикивал на бегу:

– Это там! Сэр рыцарь, это там!

Я быстрым шагом следовал за мальчиком, стараясь соблюсти хоть какую-то видимость приличия – ведь, право слово, не подобает опоясанному рыцарю мчаться за гостиничным мальчишкой глазеть на уличную драку! Однако хоть я и был весьма высокого мнения о боевых качествах моего оруженосца, тревога за него заставляла меня двигаться несколько быстрее, чем принято.

Поворачивая за угол ратуши и уже слыша возбужденные крики толпы, собравшейся на площади, я чуть было не столкнулся со здоровенным детиной, с понурым видом хромавшим в сторону порта. Память на лица у меня всегда была хорошая, и я без труда узнал в нем того самого грузчика с приметной родинкой на щеке, совсем недавно с такой легкостью тащившего наш неподъемный сундук. Выглядел парень весьма плачевно: судя по внезапной хромоте и роскошному синяку на скуле, он уже успел по мере сил поучаствовать в потасовке на площади, так веселившей горожан.

– Эй, приятель! – окликнул я его. – Что там происходит?

Грузчик с трудом приоткрыл рот, пытаясь что-то мне ответить... Похоже, беднягу приложил кто-то весьма профессионально – с дикцией у него были явные проблемы.

– Са-ы-ыр... гк... беруна... – произнес он какое-то магическое заклинание и захромал дальше. Судя по тому, что вокруг никаких метаморфоз не произошло, он просто честно пытался ответить на мой вопрос.

Обогнув ратушу и выйдя на площадь, я наконец понял, что означали эти слова. Во всем своем крикливом великолепии на ней расположился бродячий цирк шапито. В самом центре городской площади раскинулся красно-белый шатер, усыпанный звездами из жестяного золота и обшитый яркими лентами, колокольцами и бубенцами, звеневшими от дуновения ветра. Вокруг шатра полукругом были расставлены четыре железные клетки, составлявшие передвижной зверинец бродячего цирка, перед которыми плотной толпой теснились зрители. Над цирковой палаткой возвышался шест с закрепленной на нем малюсенькой площадкой, на которой выделял фантастические кульбиты какой-то нелепого вида паяц в несусветном желто-фиолетовом балахоне, с огненно-рыжей шевелюрой, с традиционной намалеванной улыбкой и красным носом.

– Почтеннейшая публика! – кричал он, делая сальто в воздухе и становясь на руки. – Всего один день в Ла-Рошели! Проездом из Венеции в Париж! Фантастическое представление! Любимый цирк пресвитера Иоанна¹⁷ и герцога Мавританского!¹⁸ Посетите знаменитый цирк Бельруна – великого мага и неуязвимого бойца.

Слушая этот рекламный ролик и дивясь про себя цветистым оборотам речи зазывалы, я, энергично расталкивая локтями городской люд, неуклонно приближался к импровизированному ристалищу, устроенному прямо за шатром. Толпа в этом месте была наиболее плотной и шумной.

– Настоящие бои без правил! Непобедимый Бельрун против любого желающего! Никаких заказных боев. Всего за несколько денье всякий может лично убедиться в крепости кулаков участников поединка! – раздавались вопли клоуна, вновь ставшего в нормальное положение на своей площадке.

Наконец мне удалось занять позицию, позволявшую наблюдать поединок. Что и говорить, за этот бой не жалко было отдать несколько денье! Каждому из поединщиков попался крепкий орешек. Посередине вытоптанного «ринга», заметно пошатываясь, бродили два изможденных субъекта в порванной одежде, покрытые пылью, синяками и ссадинами, в одном из которых я не без труда узнал своего оруженосца. Оба «непобедимых бойца» были украшены одинаковыми фингалами под правым глазом, отчего их лица приобрели черты некоего родственного сходства. Противник Сэнди, видимо, тот самый неуязвимый Бельрун, вяло рвался в ближний бой; Шаконтон сомнамбулически отшатывался, предпочитая сохранять дистанцию. Циркач бил ногами, мой ученик встречал их ударами кулаков. Видимо, подобный обмен любезностями длился уже достаточно долгое время. Веселье в толпе достигло критической отметки; зрители бились друг с другом об заклад, кто из драчунов упадет первым.

Полюбовавшись некоторое время на эти «бои без правил», я решил, что мой оруженосец мне еще пригодится живым и боеспособным, и закричал грозным голосом:

– Сэнди!!! Я тебя куда посылал?!

Услышав мой окрик, Шаконтон обернулся, пытаясь обнаружить источник звука в толпе. В тот же миг кулак Бельруна, нацеленный ему в челюсть, задев его по щеке, скользнул мимо. Это был последний удар в поединке. Вложив в него все оставшиеся силы, соперник Сэнди по инерции начал падать, увлекая за собой еле державшегося на ногах Шаконтон. Подняв тучу пыли, поединщики с грацией мешков, набитых зерном, повалились на землю. Толпа взвыла, и крики радости и разочарования слились в единодушный вопль. Однако этот шум не мог заставить бойцов подняться. Судя по всему, нынешнее горизонтальное положение их вполне устраивало. Народ начал было разочарованно разбредаться, но быстро сориентировавшийся зазывала, пританцовывающий на шесте, подлил новую порцию масла в огонь обывательского интереса.

– А вот, спешите видеть! Непревзойденная наездница Аридель, женщина-кентавр! Совсем ребенком она была похищена скифами, проезжавшими через ее родную деревню в далекой Гиперборее, и была выкуплена царицей амазонок!

Горожане, раскрыв рот, благоговейно внимали этой чепухе, а наглый шут продолжал распинаться на своем насесте.

– Десять лет она провела в царстве легендарных амазонок, пока искусство ее не достигло такого совершенства, что сама царица амазонок, признавая ее превосходство, изгнала ее из страны, боясь потерять свой трон! Спешите видеть – девушка-амазонка, приемная дочь царицы Ипполиты!

---

¹⁷ Пресвитер Иоанн – мифологический персонаж, считалось, что его государство находится где-то в Малой Азии и представляет собой огромную могущественную державу.

¹⁸ Герцогство Мавританское – никогда не существовало.

Полог шатра распахнулся, и оттуда выскочила хрупкая темноволосая девушка. Сделав сальто, она остановилась и издала пронзительный свист, заставивший толпу опешить. Из палатки вынеслась красивая белоснежная лошадка, покрытая ярко-алой попной, и помчалась по кругу. Дождавшись, пока кобылица поравняется с ней, девушка одним движением взлетела ей на круп и, выпрямившись, широко развела руки.

Толпа, привлеченная новым невиданным зрелищем, повалила любоваться «амазонкой». Я остался один возле тел, расprostертых на земле у моих ног. Подойдя поближе к непобедимым бойцам, я склонился над ними и, критически оглядев моего оруженосца, стал укоризненно вычитывать ему:

– Сэнди, мерзавец ты этакий! Ты что ж это вытворяешь? Тебя в порт за лошадьми посылали или драться на потеху толпе? Эй, тулово, ты меня слышишь?

Александр, дотол не подававший признаков жизни, лениво открыл менее пострадавший глаз и с явным непониманием уставился на меня. Ободренный его вниманием, я продолжал морализировать:

– На кого ты похож?! Господи, ты – оруженосец благородного рыцаря, одного из самых известных рыцарей в Европе... Куда ж мы с тобой в таком виде покажемся? – На лице Сэнди появилась благодущная растерянная улыбка. Судя по всему, он сейчас находился на вершине блаженства.

– Не оруженосец, а посмешище! Тебя родная мать не узнает! – прикрикнул я на него...

«А ведь не узнает... – мелькнуло у меня в голове. – И меня бы не узнала». Внезапно мозаика мыслей и событий последних дней сложилась в весьма забавную картинку. Бродячий цирк – это то, что мне нужно!

Когда королю Джону презентуют мой окровавленный джупон с недвусмысленными промахами в спине, он наверняка не поверит глазам своим и, зная повадки хозяина одежды, обязательно решит проверить факт убийства. Значит, пошлет в Ла-Рошель своего соглядатая, и, может быть, не одного... А значит, мне следует исчезнуть. И чем бесследнее, тем лучше. А кому, позвольте спросить, придет в голову бредовая мысль искать благородного рыцаря Вальдара Камдила, сьера де Камварона, вестфольдского принца... и так далее, и тому подобное, в возке бродячего цирка шапито?! Только мне, поскольку именно там я и собираюсь продолжить свое путешествие по Франции! Окрыленный этой гениальной идеей, я оставил в покое блаженно-невменяемого Сэнди валяться на земле, бросив ему:

– Когда очухаешься, немедленно в гостиницу! – и приступил к начальному этапу исполнения своего коварного плана. Присев на корточки перед Бельруном, я обратился к нему с напыщенной тирадой:

– Маэстро! Вы видите перед собой искреннего почитателя вашего таланта!

Это была наглая ложь – глаза циркача были закрыты и видеть он ничего и никого не мог. Не дождавшись реакции на свои слова, я произнес уже с куда меньшей патетикой:

– У меня к вам есть деловое предложение, – Бельрун моментально пришел в себя и смеялся меня внимательным оценивающим взглядом.

– Я слушаю вас, – прошептал он, осторожно пытаясь подняться.

– После того как позвонят к вечерне, я жду вас в таверне у городских ворот. Угощение за мой счет, – произнес я, понимая, что человек в таком состоянии вряд ли способен к разумному ведению дел. Циркач слабо кивнул и, поморщившись, начал медленно вставать на ноги.

– Хорошо, значит, договорились. – Я махнул на прощание рукой и направился к ратуше. Перед отъездом мне предстояло еще несколько дел, от успеха которых зависел результат всей операции. И в первую очередь я должен был посетить наместника Пуату, барона Даймонда де Монтереля.

Его милость имел репутацию человека весьма умного и обходительного. В течение последних четырех лет он с неизменным успехом сражался бок о бок с Малышом Эдом. Обла-

дая чудесным свойством всегда появляться со своим отрядом в нужное время и в нужном месте, он снискал себе славу опытного полководца и полное и безоговорочное уважение солдат. Барон был несколькими годами моложе меня, и хотя вовсе не выглядел, подобно Меркадье или Россу, могучим воином, а имел телосложение скорее хрупкое, однако слыл далеко не безопасным противником. Впрочем, я никогда не слышал, чтобы он был зачинщиком хотя бы одного поединка на многочисленных турнирах.

Де Монтерель принял меня в своих апартаментах с изысканной учтивостью: за несколько дней общения на корабле между нами установились приятельские отношения.

– Дорогой Вальдар, как хорошо, что вы пришли! Мне как раз доставили одну занятную заморскую диковинку! – радушно приветствовал меня барон. – Представляете, ее везли из самого Леванта! А туда – из еще более далекого Хинда.¹⁹ – Брови Даймонда приподнялись, показывая всю степень восхищения его перед неизведанными чудесами Востока.

– Милейший барон, я к вам по неотложному делу, – попробовал я приостановить безудержный натиск французского гостеприимства, но, как вы сами понимаете, мне это не удалось. Мог бы и не пробовать.

– Все дела потом! Какие могут быть дела в обеденный час? Сначала вы должны попробовать сей дивный напиток! – барон хлопнул в ладоши, и в комнату торжественно вплыл слуга, несущий поднос, покрытый белым покрывалом. Поклонившись, он бережно поставил свою ношу на стол перед нами и тихо вышел.

– Представьте себе, это настой из листьев некоего экзотического растения, произрастающего в Хинде, – заговорщицким тоном объяснил мне де Монтерель, снимая покрывало и беря в руки серебряный чеканный кувшинчик тонкой работы, выполненный в форме оскаленного льва. Хвост этого дивного животного, подымаясь к голове, образовывал ручку, а из пасти, судя по всему, надлежало изливаться содержимому львиного чрева.

– Хм, остроумное устройство, – похвалил я изящную вещицу. Хозяин порозовел от удовольствия.

– Мне ее привезли из Византии. Если хотите, – воодушевился он, – я вам покажу свою коллекцию...

– После, дорогой барон, – решительно возразил я.

– Ну, как хотите. – Даймонд начал разливать по чашечкам буроватую жидкость. Над чашечками поднялся пар и в воздухе отчетливо запахло шампунем...

– Этот напиток изготовлен по тайному рецепту... Говорят, что в него идут только кончики листьев, которые собирают самые прекрасные девушки Хинда ранним утром, сразу после восхода солнца, будучи совершенно обнаженными... Восхитительное, должно быть, зрелище, – мечтательно вздохнул барон де Монтерель.

Понимая, что меня сейчас вполне могут угостить пикантными подробностями охоты на слонов в штате Пенджаб, я вежливо отхлебнул чудесный напиток. По вкусу он напоминал лежалый «Пиквик», ароматизированный Бог знает какой дрянью. Такой чай я не любил больше всего... Изобразив на своем лице должный восторг, я задумчиво посмотрел в потолок и автоматически спросил:

– Извините, Даймонд, а что, сахара у вас нет?

Барон удивленно воззрился на меня:

– Что, разве сей напиток надлежит пить с сахаром? Немедленно прикажу подать. У меня есть чудный сахар. Мне его привезли из Гранады. Сейчас я расскажу вам, как его добывают: в далеких пещерах...

Я внутренне взвыл.

– Дорогой барон, у меня к вам дело... – в сотый раз напомнил я о цели своего визита.

---

¹⁹ Хинд – точнее, Хинди – Индия.

– Дело? Какое дело? – с неохотой отвлекся от своего рассказа мой собеседник.

– Очень важное. От него зависит моя жизнь или смерть.

...И я рассказал как можно более кратко барону де Монтерелю всю историю моих похождений, начиная от освобождения короля Ричарда и заканчивая сегодняшней встречей с наемным убийцей.

– ...Поэтому, мой друг, мне нужна ваша помощь.

– Все, что в моих силах, – отозвался заинтригованный барон.

– Сегодня ночью я исчезну из города. Мой конь, мои вещи останутся на месте. У меня большая просьба к вам: организуйте поиски. По возможности громкие, но безрезультатные. И распустите слух, что меня убили. Это все, что от вас потребуется.

– Хорошо... – задумчиво теребя ухоженную бородку, произнес Даймонд. – Куда вы намерены двигаться в действительности? Ведь если я не скажу Меркадье, что вы живы и здоровы, он перевернет вверх дном всю Францию, а заодно и Англию.

«Логично, – с запоздалым испугом подумал я. – Это я как-то упустил из виду. Молодец, барон!»

– Мне нужно встретиться с императором Оттоном. Поэтому я буду двигаться в сторону границы.

– В сторону границы... – Барон забарабанил пальцами по столу. – Очень неопределенно... Скорее всего император должен сейчас пребывать в Арелате. Он, видите ли, намерен короновать своего сына, милейший Вальдар. Значит, он либо в Гренобле, либо в Женеве... Скорее всего в Женеве... И даже если его там пока нет, то, вероятнее всего, вскорости там будет.

– Благодарю вас, Даймонд, – с искренним чувством произнес я, подымаясь и собираясь уходить. – Вы мне очень помогли. Но откуда вам все это известно?

Барон хитро улыбнулся, вновь напуская на себя сибаритский тон.

– Видите ли, мой дорогой мессир Вальдар, я с юных лет люблю всякие изящные и необычные вещи. Купцы привозят мне их со всех концов света. А купцы в своих путешествиях видят гораздо больше, чем мы, сидящие на одном месте. Желаю вам удачи! – провожая меня до двери, негромко произнес он. – Надеюсь, по возвращении я услышу рассказ о ваших новых подвигах.

Я учтиво поклонился и покинул гостеприимный кров.

Дав хозяину гостиницы подробные инструкции насчет того, как надлежит ему себя вести после моего «таинственного» исчезновения, и выслушав от доброго мэтра Оливье очередную порцию заверений в вечной преданности, я велел Сэнди хорошенько выспаться и под утро явиться к цирку Бельруна.

Новая таверна мэтра Оливье, открытая сегодня днем, была расположена у самых городских ворот, там, где улица резко поворачивала вправо и начинала дальше петлять вплоть до ратушной площади. Таким образом, путник, въезжавший в город, первым делом наткнулся взглядом на яркую вывеску, изображавшую широко улыбающуюся физиономию добряка-хозяина. Чуть ниже этого незамысловатого портрета красовалась надпись: «Привет, дружище!» Выезжая из города, путешественник видел таверну с другой стороны. Открытая дверь заведения недвусмысленно напоминала прохожему, что, пожалуй, перед дальней дорогой неплохо бы перекусить. Над дверью тоже красовалась вывеска с пресветлым ликом мэтра Оливье, но уже изрядно погрузневшим. Надпись под ним гласила: «До встречи, дружище!» Не думаю, чтобы в городе нашлось много грамотеев, способных прочесть текст вывески, но тем не менее коммерческий успех этой реставрации, на мой взгляд, был обеспечен.

Побродив по городу, я убедился, что любезнейший король Джон пока что решил ограничиться одним охотником за скальпами, и с заметным облегчением направился к «Дружищу».

Именно так уже именовали таверну многочисленные любители дармовой выпивки, которая в честь открытия выставлась сегодня всем страждущим избавления от жажды.

Придя к месту встречи на час раньше назначенного срока, я застал плавно затухающее веселье и поздних клиентов, напряженно обдумывающих дальнейший маршрут своего движения. Несмотря на обилие горячительных напитков, в зале было безмятежно спокойно. Человек шесть городских стражников, судя по всему, сменившихся с поста у ворот, чинно резались в карты, попутно следя за порядком в таверне.

Стоявший за стойкой молодой толстяк бойко и споро наполнял вином глиняные кружки, успевая при этом обмениваться шуточками с подвыпившими посетителями. Не надо было быть Натом Пинкертоном, чтобы отметить поразительное сходство бармена с физиономией, украшавшей вывеску. Одно лишь было непонятно: то ли художник, ее малававший, скинул лет десять почтенному мэтру Оливье, то ли, работая «на вырост», прибавил лет десять этому парню.

Увидев мой перстень, он кивнул и осведомился, чем может быть полезен. Я объяснил ему, что мне нужно. Он молча указал мне на небольшую дверку под лестницей.

Малюсенькая комната за ней – пять шагов в длину и три в ширину, видимо, предназначалась для отдыха прислуги. Лежанка, бочонок, заменяющий стол, пара табуретов – вот все, что составляло ее внутреннее убранство. Меня это вполне устраивало. Тем более что ужин, поданный в эти скромные апартаменты, вполне скрашивал убогость ее обстановки.

Бельрун появился едва ли не вместе с ударом колокола. Я слышал, как задвигаются за ним засовы на дверях таверны, а вслед за этим негромкий голос достойного продолжателя дела мэтра Оливье, направлявший циркача ко мне.

Через минуту он сидел напротив меня, откинув на плечи темный капюшон, дотоле закрывавший его лицо. Судя по многочисленным следам дневного поединка, его самочувствие оставляло желать много лучшего, но тем не менее ему все же удавалось держать улыбку и вести себя весьма непринужденно.

– Итак, господин рыцарь, – произнес он, осушая кубок с вином и принимаясь за холодную закуску. – Какое у вас ко мне дело?

Я решил, что лишние велеречия только осложнят нашу беседу, а потому сразу перешел к сути.

– Месье Бельрун, – произнес я, наливая вино в опустевшие кубки, – мне необходимо поступить в ваш цирк.

– Да?! – Мой собеседник на секунду прекратил есть и изучающе поглядел на меня. – В качестве кого?

– В качестве бойца.

Не сводя с меня внимательных насмешливых глаз, хозяин цирка поднял бокал.

– Ваше здоровье, господин рыцарь. Послушайте, что я вам скажу. Мне многое довелось повидать в этой жизни, и я отлично понимаю, что то, о чем вы меня просите, не блажь. Я не стану спрашивать, зачем вам это нужно. Вы это наверняка знаете, а мне знать не обязательно. Я хочу спросить вас: понимаете ли вы, куда идете?

Я утвердительно кивнул.

– Хлеб циркача черств и горек, а уж циркового бойца и подавно. Мои артисты получают один день за день дороги, три – за выступление и пять – в дни праздников...

– Это меня не интересует. В случае, если мы с вами договоримся, они будут получать солид в день и так далее. Плюс оплата провианта на труп и зверинец.

Глаза Бельруна, дотоле светившиеся состраданием, выразили неподдельный интерес.

– И что вы за это хотите?

– Мне нужно, чтобы цирк пересек Францию и благополучно добрался до Арелата. Как вы сами знаете, по пути достаточно крупных городов, чтобы иметь неплохие сборы. Единственное условие – как можно меньше задержек в пути...

– Понятно, – перебил меня циркач. – То, что вы говорите, меня вполне устраивает. Остается всего лишь один вопрос. Поймите меня правильно, господин рыцарь. Я более чем уверен, что доблестью вы равны Роланду, а воинским искусством Ланселоту. Но отчего вы решили, что сможете справиться с ремеслом циркового бойца?

– Сегодня на площади вы имели дело с моим оруженосцем, – пожав плечами, ответил я.

– Это тот стриженный парень, которого следовало бы бить в грудь тараном, чтобы свалить с ног?

– Именно он, – польщенный таким своеобразным комплиментом, подтвердил я.

– Из него получится отличный боец, но пока что слабоват. Слишком много думает об атаке и почти совсем забывает о защите.

Я невольно усмехнулся. Судя по исходу сегодняшнего боя, подобные оценки выглядели несколько комично и вместе с тем вполне соответствовали действительности.

– ...Так вот, возвращаясь к вам, господин рыцарь. Если вы желаете поступить в труппу, я вынужден просить вас вначале пройти небольшое испытание. Вы согласны? – как-то странно-насмешливо глядя на меня, произнес он.

– Согласен.

Выпустив нас через черный ход, сын мэтра Оливье пожелал нам удачи и стал гроыхать ключами, запирая на ночь свое заведение. До ратушной площади, где располагался бродячий цирк, мы добрались без приключений, если, конечно, не считать таковыми те канавы, в которые мы несколько раз едва не угодили, пробираясь впотьмах по кривой немощеной улице. Шатер был уже сложен и в разобранном виде погружен на две повозки. Еще две повозки занимали клетки зверинца. Вокруг не было видно ни души, площадь казалась вымершей, а потому голос, раздавшийся из ближайшего возка при нашем приближении, прозвучал как-то неестественно громко.

– Кто там? – спросил певучий девичий голос.

– Все нормально, Эжени. Это я и со мной мой приятель. Принеси-ка сюда пару факелов да разбуди Железного Ролло! Скажи, что он мне нужен.

Аридель – женщина-кентавр, в узком кругу носившая прелестное французское имя Эжени – появилась из своего возка, держа в руках факелы и огниво. Еще через пару минут из соседнего возка, стоявшего чуть дальше от нас, выбрался детинушка, предназначенный либо для подтверждения моей профпригодности, либо, при худшем повороте дела, для доведения меня до полной непригодности к чему бы то ни было.

– Эй, крепыш! – обратился Бельрун к сонно моргавшему верзиле, пытавшемуся сообразить, чего ради его подняли в такой поздний час. – Намни-ка бока этому господину. Но только так, смотри, чтобы он остался жив!

Сегодня днем мне не довелось видеть выступление этого тяжелоатлета. Решив, видимо, восполнить этот пробел, он подхватил лежавший на земле металлический прут и, хищно оскалившись, начал двигаться на меня, попутно наматывая железяку на кулак наподобие кастета.

Подойдя ко мне почти вплотную, он взревел, отбросил свою игрушку, очевидно, желая отвлечь этим нехитрым маневром мое внимание, и, сграбастав одной рукой котту у меня на груди, начал отводить руку для сокрушительного удара. Без сомнения, доведись этому силачу нанести его, мои надежды устроиться на работу в цирк рассеялись бы как дым. Разве что, может быть, на роль полного идиота. Но удара не последовало.

Коротким серпообразным движением кинув руку к голове соперника, я направил большой палец в ямочку за мочкой уха, туда, где по господнему проекту крепилась нижняя челюсть.

Железный Ролло вытаращил глаза, отпустил руки и рухнул наземь.

– Обморок, – констатировал Бельрун, подходя к лежавшему без движения атлету. – Что и говорить, убедительно. Весьма впечатляет. Но никуда не годится. Ну да ладно. Это не беда. В дороге всему научим. Считайте, что вы зачислены.

Глава шестая

– Крибле! Кребле! Бумс!!
Магическое заклинание

Едва рассвело, цирк Бельруна, или, точнее, уже наш цирк, выехал за ворота Ла-Рошели. Полусонные стражники у подъемного моста проводили наш кортеж добродушными шутками и приглашениями заезжать еще. Грациозная Эжени, гарцевавшая на своей белоснежной лошадке, легко поднялась в седле и, стоя на одной ноге, послала солдатам воздушный поцелуй, чем вызвала бурю восторга у моментально воспрянувших воителей. Повозки наши одна за другой выкатили на дорогу, ведущую в Ангулем. В сам Ангулем мы заезжать не собирались, но переправиться через Шаронту в другом месте с нашим грузом было бы весьма затруднительно. Где-то на дистанции двух полетов стрелы от крепости начинался лес, что было весьма кстати, так как погода для конца апреля в этих местах стояла более чем теплая. Глобальное потепление, наблюдавшееся в это время, заставляло цвести вишню в середине весны на широте Лондона, так что во Франции, лежавшей много южнее, жара к полудню становилась совершенно нестерпимой. Хорошо расчищенная дорога мягко ложилась под колеса возков, избавляя путников от постоянной пытки ухабами. Вообще же дороги Франции в то время, по моим (да и не только моим) наблюдениям, по праву могли считаться лучшими дорогами христианского мира. Как было принято говорить, «кортеж невесты здесь мог проехать, не зацепив повозки с мертвецом». Правда, места для бродячего цирка между ними не оставалось, но, к счастью для нас, мы пока что не встретили ни одного, ни другого.

Погода стояла чудесная, и, да простят меня читатели за расхожую банальность, в лесу вовсю щебетали, пели, чирикали и издавали другие не поддающиеся определению звуки разнообразнейшие представители царства пернатых. На флагманской повозке восседали мы с моим работодателем, державшим в руках вожжи. Рукава его одежды были закатаны по локоть, что позволяло видеть пару отличных метательных ножей, закрепленных ремешками у него на предплечьях. Лицо циркача, густо намазанное какой-то остро пахнущей мазью, напоминало маску.

– Пойми, дружище Вальдар, – вещал мой наставник циркового мастерства, удобно развалившись на своем месте. – То, чем занимаемся мы, совсем не похоже на то, что демонстрировал ты. Оно, конечно, полезно уметь положить такого дуболома вроде Жано...

– Кого-кого? – переспросил я.

– Железного Ролло, – поморщившись, поправился Бельрун. – Никак не могу привыкнуть к этим дурацким прозвищам! Цирк я приобрел недавно, месяца два назад. Да, кстати, – он кивнул на вторую повозку, катившую за нами, – клоуна зовут Люка Руж. Это тоже прозвище, но как его зовут по-настоящему, я не знаю, да здесь этим особенно и не принято интересоваться. Аридель, как ты уже слышал, зовут Эжени, родом она из Энейкура, что в Бретани, и никаких скифов, как ты сам понимаешь, в глаза не видела. – Он весело рассмеялся. – Кстати, ты не знаешь, где живут эти скифы?

– Они уже давно не живут, – автоматически ответил я.

Брови Бельруна полезли вверх, отчего лоб его пошел забавными морщинами.

– Да?! Экая беда с ними приключилась? Ну да ничего, – не дав мне возможности исправить его «прокол», отозвался он. – Думаю, кроме тебя, об этом никто и не знает. Родители у нее были цирковые, – продолжал знакомить меня с биографией моих теперешних собратьев по ремеслу Бельрун. – Дед – циркач, отец – превосходный наездник... Вот и она – с малолетства в седле.

– А Ролло? – спросил я, оглядываясь на могучую фигуру силача, угрюмо правившего второй повозкой.

– А-а, – слегка пренебрежительно протянул директор цирка. – Этого мы месяц назад в какой-то дыре подобрали. Силы у него на двух медведей хватит, а вот умишком Бог не наградил. В общем, подковы гнет, лошадей подымает... Портит все. На прошлой неделе ударом кулака вола хозяйского на ферме убил – еле разобрались! С сыном хозяина поспорил, дубина.

– Бельрун, как я понимаю, это тоже прозвище? – поинтересовался я.

Циркач расплылся в симпатичной открытой улыбке, и я подумал, что он гораздо моложе, чем выглядит на первый взгляд.

– Когда я родился, мой отец, который, кстати, был королевским сержантом,²⁰ – с гордостью произнес он, – решил, как водилось у нас встарь, по рунам определить мою судьбу. Да-да, не удивляйся, – заметив мою реакцию, усмехнулся мой собеседник. – У нас в Нормандии до сих пор принято советоваться с рунами в ответственных случаях, что не мешает нам быть добрыми христианами. Так вот, когда отец вытащил подряд три хорошие руны – Тейвас, Райдо и Феод,²¹ он воскликнул: «Бель рун!»²² С тех пор я верю в свою счастливую звезду, и, надо сказать, пока что это предсказание меня не подводило. На самом деле мое имя – Винсент Шадри. – Он шутливо поклонился. – Да, кстати! – заметил Бельрун-Винсент. – Вам бы тоже следовало подыскать себе какое-нибудь цирковое имя. Не станем же мы объявлять вас как «благородный рыцарь из Ла-Рошели»?

– Придумаю что-нибудь по ходу дела, – задумчиво отозвался я. В голову пока не лезло ничего лучшего, чем Мистер Икс или Черный Плащ.

– Но вернемся к вашей роли, – продолжал Бельрун. – Драться вам в основном предстоит с горожанами, среди которых зачастую встречаются весьма сильные и здоровые парни. Однако умелые бойцы среди них встречаются очень редко. Я потому и оруженосцу вашему едва не продул, – кивнул он на третью повозку, которой правил невозмутимый Сэнди, – что вначале неосторожно позволил ему нанести мне пару ударов в голову. А удары у него, я думаю, вы сами знаете какие. – Бельрун осторожно потрогал уже желтеющий синяк под глазом. – Ты пойми, – вновь переходя на «ты», вразумлял меня мой «сенсей». – Нам платят за зрелище, за бой, а не за победу. Конечно, иногда и стоит какого-нибудь верзилу уложить наземь одним ударом. Но если это повторится раза два-три – никто и денег не заплатит, чтобы посмотреть на такие бои.

Я тяжело вздохнул. Долгие годы упорных занятий различными видами воинских искусств глубоко укоренили в моем сознании мысль, что бой не надо вести. Его надо прекращать – быстро и окончательно, не давая противнику пользоваться его техническим арсеналом. Этому учил меня великий патриарх школы Чжоу И мастер Ю Сен Чу, этому я обучал своих учеников и в форте Норич, и в Институте.

«Да... Попробуем справиться с рефлексом. Хотя одному Богу известно, что из этого выйдет», – с сомнением подумалось мне.

– Вот смотри! – неожиданно прервал мои невеселые размышления голос Бельруна. – Тпру!!! – Он дернул вожжи, и я чуть не нырнул с повозки головой вперед. – Эй, Жано! – позвал силача Бельрун. – Иди сюда! Сейчас драться будем.

Парень спрыгнул с повозки и, подойдя к нам, вопросительно уставился на хозяина.

– Стань-ка против господина рыцаря, – приказал ему Винсент. Железный Ролло неохотно стащил с себя застиранную тунику и бросил на меня подозрительный взгляд.

– Да ты не бойся! – успокоил его Бельрун. – Он тебя больше пальцем не тронет. Господин рыцарь, я вас прошу, – от души веселился он. – Пальцем Ролло больше не трогайте. Вот видишь, при тебе прошу.

²⁰ Королевский сержант – в средние века не имело никакого отношения к воинскому чину, а означало должностное лицо недворянского происхождения, посылаемое королем для выполнения поручений административного характера.

²¹ Тейвас – руна Тюра; при гадании означает путь воина, доблесть, энергию и победу; Райдо – езда, удачные путешествия, хороший совет; Феод – руна благополучия и финансовых приобретений, стабильного положения.

²² Бель рун! – Прекрасные руны! (*фр.*)

Я встал напротив атлета. Опасливо глядя на меня и поигрывая своей более чем рельефной мускулатурой, Жан картинно отвел назад правую руку для удара. За то время, пока тянулся этот удар, можно было сыграть партию в блиц-шахматы... Я ушел «волной» вниз, мой левый кулак врезался в то место, где находится печень, а правая на подъеме таранила его челюсть. Противник мой сдавленно охнул, отступил пару шагов назад и, покачиваясь, обиженно уставился на меня.

– Нет, – раздался решительный возглас Бельруна. – Уже лучше, но никуда не пойдет. Представь себе: ты приезжаешь в какой-нибудь город. Там вот этакий Пьер или Антуан – первый парень, любимец женщин, гроза мужчин. А ты его вот так вот, на «раз-два-три», превращаешь в мешок с потрохами... Смотри! – Он ловко спрыгнул наземь. – Ну что, Жано? Ты там еще жив?

Парень страдальчески поморщился, потрогав челюсть.

– Жив, – прогудел он, и это было его первое слово с момента нашего знакомства. Винсент, слегка раскачиваясь, подошел к гиганту.

– Ну что ж, давай бей. А ты смотри внимательно и запоминай, – бросил он мне. Правая рука Жано вновь потянулась назад и вскоре вернулась обратно, выкидывая огромный кулак. Внимательно следя за происходящим и имея большой опыт в подобного рода переделках, я заметил, что удар, направленный в лицо Бельруну, не достиг цели. Тот попросту повернул голову в момент удара, пуская кулак вскользь. Но результат выглядел потрясающе! Словно выброшенный из катапульты, мсье Шадри отлетел в сторону и, перевернувшись, вновь встал на ноги. Второй удар был направлен ему в солнечное сплетение. Винсент повис на руке своего противника, словно плащ; но я уже не сомневался, что Жано снова не причинил ему ни малейшего вреда. После трех подобных фокусов картинно покачивающийся от усталости циркач легким движением ноги подцепил голень своего неуклюжего противника и тут же ткнул его локтем в грудь. Оправдывая свое прозвище «Железный», силач с невообразимым грохотом рухнул на дорогу.

– Вот так! Але-оп! – Бельрун поднял обе руки вверх и поклонился немногочисленной публике, теряя к неподвижному противнику всяческий интерес.

«Шоссон,²³ – отметил я про себя. – Интересно, откуда эта школа ведома простому циркачу?»

В придорожных кустах послышался сильный треск, с каждой секундой удаляющийся все дальше. Бельрун моментально насторожился.

– Люка! – крикнул он. – Посмотри, что там происходит!

Клоун, уже расставшийся со своим нелепым носом и рыжей шевелюрой, как и следовало ожидать, оказавшейся париком, соскочил с воза и с ловкостью заправского акробата взобрался, а точнее взлетел на ближайшее дерево.

– По-моему, мы вспугнули разбойничью засаду, – прокричал он. – Хорошо улепетывают.

– Да? – На лице Бельруна появилось забавное выражение. – Вот видишь, бесплатные выступления тоже приносят пользу!

Люка Руж начал спускаться с дерева.

– Однако в путь! К полудню мы должны быть у реки, иначе паром уйдет без нас, а следующий – только вечером.

Все заняли свои места на повозках, и наш кортеж двинулся в дорогу. Часа три мы занимали друг друга всевозможными байками из кочевой жизни, когда наконец Бельрун предложил остановиться и перекусить!

---

²³ Шоссон – шоссон и сават – старинные французские виды единоборств. Время возникновения – XVII–XVIII века, однако техника, присущая этим видам, встречается уже в период раннего средневековья. Оба стиля изобилуют ударами ногами на нижнем и среднем уровне.

– До Шаронты-то еще полчаса езды, так что мы наверняка успеваем, – добавил он.

Эжени и Люка принялись хлопотать над походными припасами, отправив Жано за дровами.

– Да! – Винсент оценивающе посмотрел на меня. – Господин рыцарь, вам лучше бы понадежнее припрятать ваше боевое снаряжение, а особенно – оружие.

Он был абсолютно прав. Меч и кольчуга – не самые обычные вещи в реквизите бродячего цирка. А уж тем более – такой меч...

– Куда же я их спрячу? – обеспокоенно спросил я, оглядывая наш караван.

– Ну, об этом можно не беспокоиться, – хитро подмигнул мне хозяин труппы. – Мне тут приходится время от времени перевозить кое-какие грузы из Франции в империю так, чтобы это не бросалось в глаза сборщикам пограничной пошлины.

– Контрабанда? – понимающе кивнул я.

– Мне многим приходилось заниматься последние двадцать лет. – Бельрун пожал плечами. – Но это к делу не относится. Пойдемте.

Он подошел к повозке, на которой громоздились две внушительных размеров клетки. В одной из них, мельтеша пятнистой шкурой, нервно расхаживал леопард. Завидев нас, зверь прижал усатую морду к толстым прутьям и заурчал.

– Сейчас, глупая. Сейчас тебя накормят, – пообещал ей Винсент. – Люка! Не забудьте накормить зверей! Бросьте этой обжоре конины.

Существо, сидевшее в следующей клетке, почуяв наше приближение, поднялось с пола, и я с удивлением понял, что вижу перед собой одного из представителей вымирающего племени гоблинов. Этот, правда, казался постарше, чем Гул, да и принадлежал, видимо, к другому роду. Он был более коренастый, и шерсть, покрывающая густым слоем его тело, была седой, а не бурой, как у Гула. Гоблин недовольно покосился на нас и выдал серию уже знакомых мне скрежещуще-рычащих звуков.

– У-у! Что, пришли? Уставились, идиоты! Мартышку себе нашли... А это еще что за недоумок? – Гоблин неодобрительно глянул на меня. – Таскаются тут разные... Жрать бы лучше принесли! – не особенно удивившись, «услышал» я речь страшилища.

– Иди, Краки, погуляй! – Бельрун открыл клетку, делая гоблина приглашающие движения руками. – Вылазь, вылазь.

– Краки! Сам ты «Краки»! Тагур я, сколько раз повторять! – бурчал возмущенный тем, что его потревожили, нелюдь. – Тагур, сын Хола! А, что им говорить, тупые они тут все!

Хозяин потрепал его по загривку.

– Ты его не бойся, – успокоил он меня. – Он не злой, видимость одна. Только глупый. Тварь бессловесная, что возьмешь! Иди, Краки.

– Сам-то ты больно умен! – немедленно отреагировал гоблин.

– Его зовут Тагур, сын Хола... – глядя ему вслед, сообщил я Бельруну.

– Вот как? – Месье Шадри окинул меня удивленным взглядом. – Ты понимаешь, о чем эта тварюга лопочет?

– Так, немножко, – поскромничал я.

– Это хорошо! С этим мы обязательно придумаем какой-нибудь трюк. – Он засунул руки в глубь опустевшей клетки и, нащупав что-то, ведомое ему лишь одному, с некоторой натугой потянул на себя. Покрытая соломой и обрывком какой-то шкуры лежанка страшилища медленно поднялась, открывая вместительный тайник. Катгабайл, обернутый для сохранности в плащ, доспех, щит, рыцарская цепь и золотые шпоры – все перекочевало в чрево потайного ящика.

– Вот, кажется, и все, – произнес я.

– Угу. – Бельрун скептически оглядел меня. – А кинжал?

Я обнажил висевший на поясе клинок, ловя полированной сталью солнечный луч.

– Может, оставить? – с сомнением возразил я. – Мало ли что в дороге может случиться?

– Это правильно! Это верно! – усмехнулся циркач. – Во Франции у всех добрых горожан на поясе висят клинки работы мастера Эльсано. У них, знаете ли, так принято. – Он щелкнул ногтем по костыльному кресту в двойном круге, инкрустированному на пяте клинка.²⁴

– Ты знаешь эту марку? – Мое удивление было искренне и неподдельно. Подобное оружие в Европе можно было встретить крайне редко. Цена любого из таких клинков колебалась от стоимости хорошей фермы до цены небольшого замка.

– Да, – небрежно откликнулся Винсент. – Когда я был знаменщиком у барона Этьена де Фьербуа, мне довелось побывать в Толедо в новой мастерской великого оружейника. Кладите кинжал, господин рыцарь, здесь его никто не тронет. Я подберу вам оружие попроще. Вот так-то будет лучше. Хотя стойте! – Бельрун хлопнул себя по лбу. – Эй, Сэнди. Приятель! Волоки сюда свое добро.

Шаконтон вопросительно взглянул на меня и, получив подтверждение приказа, сбегал к повозке и быстро вернулся с небольшим торчком.²⁵

Хозяин шапито стал принимать у него скарб и складывать в тот же тайник.

– А это еще что? – слегка удивился Бельрун, держа в руках изящную резную шкатулочку, наличие которой мало вязалось с характером и профессией Сэнди.

– Пергаменты... – Мой оруженосец слегка смутился.

– Пергаменты? О, мсье грамотей! – Винсент склонился в шутливом поклоне.

– Откуда у тебя это? – беря в руки шкатулку, спросил я Александра.

– Да это Гарсьо на острове тогда нашел, у Аббата, – объяснил он. – Стишки разные он себе забрал, а это у меня осталось. Он меня еще обещал буквам научить, да не успел.

– Ну-ка, ну-ка, – полюбопытствовал я, вытаскивая первый свиток. – ...Сего дня, 12 июля 1154 года, продано сукна Сен-Маргетской обители на пошиву сутан две тысячи локтей по 3 гро за локоть... Гм, памятный сувенир, – прокомментировал я. – А это что? Расписки... счета... О, вексель! Можно будет получить. Кто тут у нас? Камилл де Фьербуа! – Я сунул пергамент под нос Бельруну. – Знавал такого?

Тот страдальчески наморщил лоб:

– По-моему, это дедушка моего бывшего сеньора...

– Ха! Вполне может быть: датировано 1138 годом. На, получишь при случае. – Я отдал вексель Бельруну. – А это уже интересно... – Я вытащил следующий свиток, на котором были начертаны какие-то странные значки: квадратики, черточки с точками, лесенки и прочая чепуха. – Так. Что здесь зашифровано, я пока не знаю, а вот печать эту мне уже встречать приходилось.

Винсент сунулся посмотреть на печать и озадаченно поскреб затылок:

– Не знаю такой. Что это за чудовище? – спросил он, указывая на изображение, оттиснутое на воске. Существо и впрямь было странным и вызывало сомнения в здравом уме художника: человеческое тело, заканчивающееся ногами в виде змей, венчала голова с человеческим лицом и петушиным гребнем.

– Это абраксас.²⁶ Эмблема одного моего старого знакомого. Надо будет, кстати, при случае к нему завернуть...

Замаскировав тайник, Бельрун свистнул, подзывая гоблина, который не замедлил вернуться, бурча на ходу:

– Ну вот, идиоты, свистят... Как будто сам не приду! Всю охоту испортили...

---

²⁴ Пята клинка – небольшая незаточенная площадка под гардой, где обычно помещалось клеймо мастера.

²⁵ Торчок – дорожный мешок, приторачиваемый к седлу.

²⁶ Абраксас – мифическое существо, выглядящее вышеописанным образом. В природе не встречается. Его изображение использовалось в качестве тайной печати тамплиеров.

– Залазь, Краки. Погулял, и хватит. – Бельрун закрыл клетку.

Мы быстренько перекусили и двинулись в путь. Через полчаса наш цирк рядом с другими повозками стоял в толпе на берегу, ожидающей парома через Шаронту.

Четверо угрюмого вида мужиков устало сбросили на берег деревянные сходни, и возы один за другим стали тяжело въезжать на паром. Пересчитав наши повозки и получив плату за перевоз, паромщики тяжело налегли на длинные шесты, и, оттолкнувшись от берега, мы медленно заскользили по зеленовато-голубым водам Шаронты.

– Сегодня до Лиможа не доедем, – задумчиво произнес Бельрун, глядя на дюжих паромщиков, с натугой вращающих ворот. – Я тут по дороге знаю одно славное местечко, там можно будет остановиться. Думаю, представления сегодня не предвидится. Кстати, господин рыцарь, ты придумал уже себе новый титул?

– Ох, как-то ничего в голову не лезет, – вздохнул я, утирая тыльной стороной руки пот со лба.

– Ну, это дело поправимое, – продолжая созерцать речной пейзаж, оптимистично заявил Винсент Шадри. Ролло, слушавший наш разговор, поспешил внести дельное предложение.

– Давайте назовем вас Бешеный Вепрь!

Я поморщился. Этого только мне не хватало. Уж лучше сразу – Истеричный Боров!

– Нет, – неодобрительно отозвался Бельрун. – Ну какой же он бешеный? Он вполне спокойный. Может, лучше Волкодавом?

– Нет-нет! – запротестовал я. – Только не это!

Знавал я одного телохранителя с таким прозвищем – тот по улице не мог пройти, чтоб не нарваться на драку. Я задумчиво взялся рукой за подбородок.

– А может... – Винсент посмотрел на меня, глаза его радостно округлились, и он с каким-то глумливым выражением лица произнес трагическим шепотом: – Я знаю! Тебя будут звать Черная Рука!

– Почему это вдруг Черная Рука? – обалдело спросил я.

– Да ты на руки свои посмотри! – Бельрун весело расхохотался.

Я посмотрел. Спорить было бесполезно – руки были действительно черные. Как выразился Лис, «самый что ни на есть медицинский факт». Скорее всего я их основательно вымазал в дегте, помогая закатывать наши возы на паром.

– Эй, Эжени! – позвал девушку развеселившийся хозяин цирка. Она моментально высунула из возка свое миловидное личико.

– Что, Винсент?

– Позаботься-ка о реквизите для нашего нового поединщика. Я думаю, черная маска ему очень пойдет. Погляди, не правда ли, хорош?

Эжени прыснула и скрылась за пологом.

– Ну что ж... – вздохнул я. – Черная Рука, так Черная Рука...

Более идиотского имени не сыскать, наверное, и в самом пошленьком вестерне из коллекции Мишеля Дюнуара, но, во всяком случае, маска в моем деле тоже не повредит.

«Одна радость – Лиса рядом нет!» – подумал я и горестно улыбнулся.

Наконец паром пересек широкую реку и причалил к берегу. Процедура спуска возов на дорогу благополучно повторилась в обратной последовательности, и наш табор вновь покатил по дороге, вызывая улыбки у встречных крестьян. Солнце медленно, но уверенно клонилось к закату.

– Любезнейший мой мессир Черная Рука! – обратился ко мне Бельрун, сидевший рядом и осматривавший до этого прищуренными глазами пустынную дорогу. – Я вынужден вас кое о чем предупредить. Хозяин, у которого мы будем ночевать, – добрейшей души человек. Радушнее, приветливее и рассеяннее его мне не доводилось встречать нигде и никогда. Однако у него есть один существенный недостаток – он решил полностью посвятить себя научным изыска-

ниям в области алхимии. Уж и не знаю, как это ему удастся, но он до сих пор жив. Мне довелось некоторое время быть у него учеником. – Винсент с какой-то странной смесью восторга и неодобрения поднял глаза к небу и покачал головой. – Могу вас заверить, с ним всегда есть о чем поговорить, хотя не всегда есть что покушать. Но! – Шадри строго посмотрел на меня. – Я видел, вы тоже подвержены пороку грамотности, поэтому заклинаю вас! Не упоминайте при нем слов «философия», «философ», «философский камень» и других в том же духе. А уж тем более – имен античных авторов, особенно Аристотеля!

Я в который раз подивился разнообразию и широте познаний этого неунывающего искателя приключений.

– Вы были учеником алхимика? – любопытствовал я.

– Да! – небрежно ответил Бельрун. – После того как перестал быть послушником в монастыре святого Гриффита.

– И что же заставило вас расстаться с этим чудесным человеком?

Бельрун мечтательно усмехнулся.

– Тут вышла вот такая история... Ферма Трезэссар, которой нынче владеет сей почтеннейший ученый муж, досталась ему от отца. А тому – от деда, и дальше, дальше... В общем, в этих краях никто никогда и слыхом не слыхивал, чтобы ею когда-либо владел кто другой. Однако как раз в тот год, когда я набирался премудрости у своего друга (зовут его Мэттью Мишо, хотя он предпочитает величать себя Деметриусом), некий мсье, владеющий поместьем по соседству, предъявил в графский суд Ангулема документ, из которого следовало, что отец нашего алхимика держал свои земли от его отца. Это была сущая нелепица, но, как вы сами понимаете, графский суд незамедлительно вынес традиционно справедливый приговор: либо вернуть ферму, либо выплатить арендную плату за все прошедшие годы – 25 солидов.

Я присвистнул. Обычная история.

– ...Милейший Деметриус готов был впасть в отчаяние, – продолжал Бельрун. – Но я взялся помочь ему в этом деле. Мой друг, мессир де Фьербуа, ставший тогда уже сен-гриффитским аббатом, одолжил мне деньги сроком на месяц. Все же остальное, что мне было нужно, у меня было под рукой: жезл королевского сержанта, который оставил мне отец...

– А разве жезл не подлежит возврату? – удивился я.

– Подлежит. Но случилось так, что этот остался у меня, – безразлично глядя куда-то вперед, ответил Бельрун. – Так вот, соответствующее случаю одеяние, пара приятелей из городской стражи, хитрый горшочек – и мой план был готов к исполнению.

– А что еще за хитрый горшочек? – спросил я, понимая, что у меня есть шанс набраться премудрости в этой поездке.

– Обычный глиняный горшочек, совсем небольшой. Только внутри перегородка. В одной части горшочка была обычная вода. А вторую я наполнил белым эликсиром магистерия.

– Чем-чем? – переспросил я рассказчика.

– Ваша милость! – укоризненно уставился на меня Винсент. – Такую простейшую вещь знает любой школяр! Белый эликсир магистерия в отличие от красного превращает любые металлы в серебро.

– А красный, стало быть, в золото? – догадался я. – А что, они уже получены?

– Не совсем, – замаялся Бельрун. – Обработанный этим эликсиром металл действительно становится серебряным, но не весь, а только сверху. К тому же это серебро быстро темнело...

Я смутно припомнил какие-то похожие химические опыты, которые демонстрировала нам в Итоне леди Эйлин Трубецкая, но вызвать в памяти формулу белого эликсира магистерия все-таки не смог. Месье Шадри между тем продолжал:

– Мэттью отнес этому негодяю деньги, и тот снисходительно сообщил ему, что срок следующего платежа – ровно через год. Я выждал несколько дней и как-то под вечер явился со своими приятелями в дом этой скотины, убей меня не помню, как его звали... и потребовал,

как водится, приютить нас на ночь. За ужином речь пошла о поручении, данном мне королем. Я поведал изумленному хозяину о том, что в последнее время в стране объявилось множество фальшивых солидов, сработанных из так называемого алхимического золота, и что его величество крайне обеспокоен таким вопиющим преступлением и потому послал меня арестовать всех, кто причастен к этому делу. После чего я выложил на каминную решетку два самых что ни на есть настоящих солида и, капнув на них «проверочным королевским эликсиром» из разных отделов горшочка, дал ему возможность убедиться, что одна монета – действительно золотая, а другая, ставшая на его глазах серебристой, – поддельная. Этот придурок сам притащил мне все свои золотые монеты. Третью из них оказалась фальшивыми. Я их тут же реквизировал.

– Почему только треть? – давась от смеха, спросил я.

– Эликсира больше не хватило, – честно признался Бельрун. – Изрядно перетрусивший хозяин спросил, куда я направляюсь дальше? Это было то, что нужно. Я тут же назвал ему ферму Мэттью Мишо. «На которой, по слухам, изготавливается это алхимическое золото», – добавил я. И тут же, сделав страшное лицо, вскричал: «Ба! Да это же ваша ферма!» И, не давая опомниться мерзавцу, грозно приказал своим приятелям-стражникам: «Хватайте его! Вот он, главный фальшивомонетчик!» Представляя себе кипящий котел, в котором ему предстояло вариться, тот едва не помер со страху.

– И что было дальше? – заинтересованно спросил я.

Шадри вздохнул:

– Слаб человек. Каюсь, совершил должностное преступление: взял от этого горе-феодала еще двадцать золотых мзды и подсказал ему, как выкрутиться. Мы пригласили городского нотариуса и составили документ, по которому выходило, что на ферму Трезэссар сей господин не претендует, предъявленные им в суд бумаги были ему подброшены, за истинность их он поручиться не может.

– Bravo! – Я восхищенно зааплодировал. Находчивый циркач приподнялся, раскланиваясь.

– Правда, вскоре после этого случая мне пришлось скрыться из этих мест, – вздохнул он. – Ребята, напившись в таверне, разболтали об этой истории всему Ангулему.

– А сейчас не боишься, что тебя ищут?

Шадри усмехнулся.

– Н-но! – хлестнул он лошадей. – Пять лет прошло, все уже, поди, забыли... Сейчас за поворотом – ферма...

Эти слова были прерваны оглушительным грохотом. Заржали и шарахнулись кони. Более всего это напоминало взрыв гаубичного снаряда.

Я заорал:

– Ложись! – и рефлекторно сиганул в кювет. Краем глаза я увидел, как Бельрун, Шакон-тон и Люка в охапку с Эжени последовали моему идиотскому примеру. И только Железный Ролло, намертво зажав в руках вожжи, с выпученными глазами и вставшими дыбом волосами остался на своем посту.

Глава седьмая

Плод познания был червив...

Адам

Канонада продолжалась. За первым сильным взрывом последовала серия более мелких, сопровождаемых хлопками, напоминающими выстрелы. Кусок черепицы, со свистом пролетев над нашим убежищем, врезался в дорогу.

– Черт возьми! Это в Трезэссаре! – завопил Бельрун, выскакивая из канавы и бросаясь напрямик через лес. Первым моим движением было схватиться за рукоять меча, обычно находившегося у бедра, однако, вовремя вспомнив, что Катгабайл покоится в тайнике, я, выругавшись, побежал вслед за Бельруном.

– И я! – послышался за спиной возмущенный вопль Шаконтонна и треск выламываемого деревца.

Наша команда мчалась напрямик по лесу, не разбирая дороги, перепрыгивая через змеящиеся в траве корни и круша на ходу подлесок. Преодолев полосу препятствий за рекордное время, мы очутились лицом к лицу с тем, что еще минут десять назад могло смело именоваться фермой Трезэссар. Из-за высокой каменной изгороди выбивались языки пламени, обломки разрушенной кровли валялись в радиусе сорока ярдов, дощатые ворота были буквально сметены, и ограда торжественно зияла пустым провалом входа. Над всем этим апокалипсическим пейзажем стелился ядовитый желто-бурый дым с резким запахом аммиака и еще Бог знает какой дряни.

– Я знал, что эти чертовы опыты не доведут его до добра! – воскликнул Бельрун, устремляясь во двор. – Мэттью! Мэттью! Почтенный Деметриус, ты где, черт бы тебя побрал! – закричал он.

Со стороны давно пустующего загона для свиней послышались кашель и сдавленное оханье. Обветшавший от времени заборчик загона был проломлен аккуратно посередине, и звуки, доносившиеся из-за него, не оставляли сомнений в том, что снарядом, причинившим эти разрушения, и был почтеннейший алхимик. Мы стремглав бросились к полуразрушенной загородке, и нашему взору представились сперва два деревянных башмака, торчащих из дыры, а затем и вся закопченная фигура горе-ученого, распростертая на земле. Одежда на нем была изрядно поношена и давно не стирана. Он лежал, широко раскинув руки, среди обломков трухлявых досок, с закрытыми глазами и что-то тихо бормотал себе под нос.

Бельрун, наклонившись над своим бывшим учителем, осторожно потрогал его за рукав.

– Эй! Мастер²⁷ Деметриус, очнитесь!

Тот слабо пошевелился и произнес чуть громче:

– Получилось!..

Тихо застонав, он приоткрыл глаза и, увидев склонившегося над ним Бельруна, слабо улыбнулся и произнес:

– А... Это ты, Винсент? Извини, мне нечем угостить тебя сегодня... Но ты видел, как это было! Просто потрясающе... – прошептал он и потерял сознание.

– Господин рыцарь! Сэнди! – обеспокоенно запричитал Бельрун. – Отнесите его на поляну! Я тут сейчас... Господи, как это делалось?

Циркач в лихорадочной задумчивости поскреб свои густые курчавые волосы.

---

²⁷ Мастер – в средние века почтительное обращение.

– А! Вспомнил! – Он начал выкрикивать какие-то малопонятные слова и, размахивая руками, закружился по двору. Мы вытащили алхимика за ограду горячей фермы и, уложив его на траву, начали приводить в чувство. Через несколько минут Бельрун присоединился к нам.

– Тащите его в возок! Сейчас начнется, – крикнул он нам.

И тут началось. Огромная иссиня-черная туча материализовалась как бы из ниоткуда прямо над нами. Небо расколосось зигзагом молнии, и оглушительный раскат грома, последовавший за ней, заставил наших лошадей испуганно прятать ушами. Мы быстренько подхватили очнувшегося от грохота Деметриуса и поволокли его в возок, пару минут назад подъехавший к ферме. Едва мы успели укрыться под навесом, как крупные капли дождя забарабанили по крыше повозки. Вся труппа, собравшись в первом возке, с интересом разглядывала занятную фигуру алхимика, который горделиво возлежал на свернутом шатре.

– Мой дорогой учитель! – с почтительной насмешливостью обратился Бельрун к Мэттью Мишо. – Поведайте нам, непосвященным, что за несчастье тут приключилось?

– Винсент, мой мальчик! – Алхимик сделал попытку приподняться, но тут же, болезненно сморщившись, вернулся в исходное положение. – Ты называешь это несчастьем?! Это же победа! Быть может, величайшая победа в моей жизни! – Ученый обвел присутствующих горящим от радости взором.

– Да? – удивился Бельрун. – Последний раз я видел подобную же победу, когда сеньор де Фьербуа штурмовал один сарацинский замок в Гранаде.

Эжени в углу тихонько захихикала.

Мэттью укоризненно посмотрел на своего меркантильного ученика.

– Ты уподобляешься тупоумным невеждам, которые, блуждая впотьмах, не видят за деревьями леса! Для которых блеск солида дороже света истины!

Бельрун как-то неопределенно хмыкнул и, высунувшись из повозки, вполголоса проговорил:

– Господи, ну почему я не узнал тогда у этого недоучки-мага, как останавливается дождь? Ливень хлестал по округе, сбивая пламя над фермой и делая дорогу непролазной.

– Слушай же и восхищайся! – торжественно объявил премудрый Деметриус, горделиво обведя аудиторию взглядом. – Три года тому назад, когда, я работал над получением красного эликсира магистерия, меня вдруг озарило!.. – Алхимик запальчиво хлопнул себя рукой по лбу, но тут же, охнув, скривился и продолжал более спокойно: – Созидательной энергии первичной стихии Огня – вот чего недостает моему эликсиру! Да! Но как передать эту стихию в сосуд, наполненный жидкостью? – Деметриус выжидательно оглядел артистов.

Озадаченный Бельрун пожал плечами, выражая тем самым общее мнение. Удовлетворившись созерцанием наших неумытых физиономий и эффектным зрелищем отвисшей челюсти Ролло, ученый муж радостно продолжал:

– И тут я вспомнил, что в старинном труде Квинта Куруция Руфа «О жизни и деятельности Александра Великого» упоминается, что люди Хинда встречали его войско, метая посредством огня стрелы с крепостных стен. Заметь, «метали стрелы посредством огня». Это было то, что нужно! Я начал искать. Долгие годы я потратил на поиски рецепта этого чудесного зелья. Аполлоний Тианский, Беймирам, Гасси-Аббас, Альмансор – все эти величайшие умы упоминают о нем. Для проведения экспериментов и покупки книг я истратил все имевшиеся деньги, но не прекращал поисков...

– Как?! – страдальчески перебил своего наставника Бельрун. – Все пятьдесят солидов? И те, что я оставлял вам?

– Ну да... – недоуменно воззрился этот чудака на Винсента. – Я думаю, ты простишь меня, мой мальчик... Ведь я был так близок к открытию! И потом, что значат презренные деньги, когда речь идет о торжестве человеческого духа над материей, – назидательно подытожил алхимик.

– Ну да, конечно... – обреченно согласился циркач. – Но без этих денег торжество мне почему-то кажется неполным.

Деметриус возмущенно фыркнул:

– Не носи чушь! Так вот, сегодня мне удалось найти окончательный рецепт! Ты сам был свидетелем тому, какая энергия скрыта в этом порошке!

Я смутно начал догадываться, какой именно эликсир изобрел незадачливый алхимик. Его счастье, что ему удалось остаться в живых по завершении опыта. Мэттью Мишо, расстегнув тощий кошель на поясе, благоговейно достал оттуда кусок пергамента и сунул его Бельруну. Краем глаза я разглядел на нем кривое подобие запятой, вроде тех, что торчат изо рта у героев комиксов, внутри которой располагались два непонятных мне значка, соединенных стрелкой.

– А-а, «Мельница, которая все перемалывает», – медленно произнес Винсент, – или, по-другому, царь всех солей... И древесный уголь или зола? Высшее и низшее? Это гениально!

Польщенный похвалой алхимик радостно улыбнулся.

– А я что говорил! Когда я получил сей субстрат, я решил добавить в него огненную сущность. Для этого одну порцию его я разложил на железном противне и поставил на огонь.

Я в ужасе закрыл глаза. Когда-то, еще в младших классах колледжа, мой одноклассник решил подогреть немного бертолетовой соли на сковороде и посмотреть, что из этого получится... Результаты были сходны.

– И много у вас было этого чудесного порошка? – спросил я.

– Несколько горшков, – отозвался ученый. Я понял, откуда взялась канонада.

– Представь себе, какое разочарование меня постигло! – неожиданно воскликнул Деметриус. – Мне не удалось воочию наблюдать процесс насыщения чудесного состава огненной энергией! Я как раз вышел во двор по нужде...

Алхимик, казалось, был искренне раздосадован своим отсутствием в эпицентре взрыва.

– Но ничего! В первом же городе я непременно повторю эксперимент. – Последняя фраза великого экспериментатора была встречена всеобщим молчанием.

– Это знамение, – робким басистым шепотом прервал тишину из своего угла Ролло, испуганно созерцавший алхимика. – Все мы сгорим в этом нечистом пламени. Недаром говорил наш кюре, что близок последний день, – мрачно завершил он.

– Господи, погляди на этого тупицу! – воздел руки вверх Деметриус. – Какое невежество! Мое открытие – шаг к будущему могуществу человека.

Люка, хмуро молчавший все это время, неожиданно произнес:

– Земля – всего лишь игрушка в лапах Дьявола, и мнимое могущество человека – одна из его козней.

– Не надо, Люка, – взяла его за руку Эжени. – Видишь, господин алхимик очень устал. Давайте я лучше принесу вам поесть.

Клоун исподлобья глянул на обеспокоенную девушку, став при этом неуловимо похожим на большого черного ворона.

«А они – престранная пара, – мелькнуло у меня в голове. – Надо будет приглядеться к этому Люка поближе».

– Я говорю правду, – угрюмо буркнул он, вырывая руку у Эжени.

Между тем почтенный Деметриус стал озадаченно озираться по сторонам. На его лице появилось недоуменное растерянное выражение. Казалось, он только сейчас осознал, что сидят в какой-то повозке и окружают его почти сплошь незнакомые личности.

– Винсент, кто все эти люди? – искренне удивляясь результату своих наблюдений, он обвел глазами наше пестрое общество.

– Милейший Деметриус! Это – лучшие циркачи во всей Франции. – Бельрун широким жестом заправского конференсье обвел присутствующих. – Позвольте представить вам их.

Железный Ролло! Способен завязать железный прут в узел за то же время, за которое булочник сворачивает крендель! Силен, как бык!

Жано, польщенный похвалой, расправил плечи и кивнул.

– Умен так же! – завершил свою блиц-характеристику Бельрун. – Непобедимый боец по прозвищу Черная Рука!

Винсент округлил глаза и с деланным ужасом продолжал:

– Способен убить человека одним пальцем! Каждый раз перед выступлением мне на коленях приходится умолять не делать этого... Его ученик Сэнди, по совместительству – наш возница. Аридель, женщина-кентавр, приемная дочь царицы Ипполиты. – Голос Винсента заметно потеплел. – Родом из Энейкура, звать Эжени. Чудесная девушка и непревзойденная наездница!

Эжени слегка порозовела и приветливо улыбнулась алхимику, благосклонно слушавшему представление Бельруна.

– Рядом с ней – Люка Руж. Человек-птица, человек-паук! Может все! Самый веселый клоун на площади и самый грустный человек вне ее...

Деметриус, вспомнив о хороших манерах, привстал и вежливо поклонился.

– Приветствую вас, господа! Но, Винсент, что ты делаешь среди этих добрых людей?

– Я? Всего понемножку. – Он ловко обвел рукой вокруг головы магистра алхимии и, продемонстрировав собравшимся куриное яйцо, протянул его своему учителю, удивленно вскинувшему брови. Эжени радостно заплодировала фокус. – Угощайтесь. Вареное.

– Как?! – опешил ученый Деметриус. – Ты, воочию узревший свет истины, – бродячий циркач?

– Я иду своим путем, учитель, – немного грустно усмехнулся Бельрун. – Вы же знаете, мне нагадано стать графом и ближайшим советником короля... Пока же все мои владения – вот этот цирк. И я не знаю, буду ли я счастлив более, если действительно стану сеньором.

Дождь тем временем уже кончился, и мы вылезли из относительно теплой повозки на абсолютно раскисшую дорогу. Зябко поеживаясь и поминая все имя Господа нашего и магическое искусство Бельруна, мы стали вталкивать крепко увязшие в грязи повозки во двор фермы. Напирая плечом на борт воза, засевшего по ступицы колес, я спросил пытящего рядом Винсента:

– Кстати, дружище, где ты выучился всем этим магическим премудростям? Был учеником у мага?

– Не-ет! – кряхтя, отозвался он. – Я это заклинание у одного мага-недоучки в кабаке в кости выиграл.

В конце концов наши старания увенчались успехом – возы разместились во дворе, а мы за неимением более подходящего помещения нашли себе приют в давно пустовавших конюшнях – самом теплом и сухом углу руин Трезэссара.

– Поезжайте с нами, любезный Деметриус, – услышал я голос Винсента Шадри, устраиваясь поудобнее в стойле на ночь. – Что вам тут делать?

– Я должен продолжать свои изыскания! – упрямо возражал Мэттью.

– Вот и хорошо! В скором времени мне предстоит стать графом, и я сделаю вас придворным алхимиком.

«Веселенькая компания подбирается», – подумал я и услышал сварливый голос научного деятеля:

– Я никуда не поеду без своих коллекций!

– Ладно, ладно, – умиротворяюще отвечал Бельрун. – Это утром...

Решив, что подслушивать душевную беседу двух старых друзей не входит в число рыцарских добродетелей, я вздохнул и, не смущаясь поздним часом, вызвал Виконта по мысли-связи.

– *О Капитан!!!* – изумленно откликнулся мой бывший оруженосец. – *А я уж думал, ты меня совсем забыл.*

– *Прям-таки!* – отозвался я. – *Тебя забудешь.*

– *Я к тебе было сунулся тогда, в Англии, после подписания Хартии, да меня Лис удержал. Сказал, что ты в своих путешествиях головой слегка повредился... Ты там как?* – заботливо спросил Виконт.

– *Спасибо, уже выздоровел. Твоими молитвами,* – не успел я начать свои расспросы, как Кристиан, радуясь возможности поболтать с понимающим человеком, задал деловой вопрос:

– *Как там у вас погода?*

– *Стараниями моего нового приятеля Бельруна над фермой Трезэссар только что прошел дождь,* – как на исповеди признался я.

– *Французское название...* – задумчиво произнес Вик. – *Это где?*

– *Насколько я знаю, в полудне пути от Лиможа.*

– *О! Так ты во Франции?* – обрадовался Кристиан де Монгийе. – *И Лис с тобой?*

– *Лис в отпуске,* – флегматично отозвался я. – *Со мной бродячий цирк.*

На том конце канала связи раздалось молодецкое «гы-гы».

– *Ты думаешь, это адекватная замена?* – пошутил Виконт.

– *Ладно, Кристиан,* – перейдя на деловой тон, прервал я поток юношеского остролюбия. – *Шутки в сторону. Я здесь по делу. Пусть это тебе покажется странным, но даже по заданию Института.*

– *И я хочу по заданию в цирк!* – веселился агент-стаци. – *А еще лучше – в стриптиз-бар!*

– *Ты невыносим,* – обреченно вздохнул я. – *Расскажи лучше, что у тебя тут делается?*

– *Да что делается? Все в порядке. Кормят хорошо. Работать заставляют мало. Возможностей всяческих уйма. Всю жизнь мечтал о такой работе.*

– *Поподробнее, если можно.*

– *Вчера на ужин подавали...*

Это было возмутительно! Характер недавнего стажера портился прямо на глазах. Воистину отсутствие ременного привода в чувство пагубно сказывалось на его неокрепшей психике.

– *Послушай,* – со скрытой угрозой пообещал я. – *В программу моего турне по Франции входит посещение твоего шефа. Клянусь своими золотыми шпорами, я уговорю его посадить тебя на диету вплоть до Рождества Христова!*

Ответом мне было гробовое молчание.

– *Капитан!* – после долгой паузы пробурчал Вик. – *Какой ты нудный! Чего тебе надо?*

– *Вы сейчас обретаетесь в Париже?*

Крис хмыкнул.

– *Нужен нам тот Париж! Мы совершаем инспекционную поездку по командорствам с целью поднятия боевого духа доблестного тамплиерского рыцарства. Сейчас мы в Невере, а дальше подадимся на юг к морю. Там в мае, говорят, хорошо! Ты не помнишь, Монте-Карло уже построили или еще нет?*

– *Нет еще,* – разочаровал я его. – *Не отвлекайся. Вы по дороге в Клермон заезжаете?*

– *А как же! Во-первых, там у нас тамплиерская вотчина имеется, а во-вторых, сеньор тамошний, Эблес Клермонский, де Жизору добрый друг. Тот его к заговору привлечь желает.*

– *Он снова плетет заговор?*

– *Не без того! Теперь вот Артура Бретонского обхаживает.*

– *Шейтмур об этом знает?* – встревоженно поинтересовался я.

– *Непременно. У меня с ним связь каждую неделю,* – отозвался секретный агент английской разведки.

– Понятно. Значит, действуем следующим образом. Я с цирком вскоре буду в Клермоне. Сделай так, чтобы, когда я приеду, де Жизор был там. Я горю страстным желанием его лицезреть.

– Сделай, сделай, – недовольно пробормотал Крис. – Как я это сделаю?

– Это уж твоя забота.

– Вот так всегда, – вздохнул де Монгийе.

– Да, вот еще что! – вспомнил я. – Мне тут в руки попала какая-то шифровка с абраксасом...

– Это наша! – с профессиональной гордостью отозвался Вик. – Что хорошего пишут?

– Ну откуда же я знаю? Как раз собирался попросить тебя передать пергамент Шейт-муру для расшифровки.

– А что за шифр? – заинтересовался Крис.

– Какие-то уголки, квадратики, точки...

– Тоже мне, шифр! – пренебрежительно фыркнул Виконт. – Я им тут каждый день всяческие письма пишу. В общем, слушай, Кэп: система элементарная. Берешь пергамент, рисуешь на нем решеточку, вроде той, что для игры в крестики-нолики, только подлиннее...

– Что значит подлиннее? – с недовольством спросил я.

– Так, чтобы в каждой клетке спокойно помещалось по три буквы, – нетерпеливо пояснил он. – Дальше вписываешь в решетку латинский алфавит, в конце вместо 27-й буквы ставишь запятую. Это понятно?

– Понятно, понятно. Продолжай.

– Потом на место буквы при письме ставим точку...

– А вот это я что-то не совсем понимаю, – раздраженно буркнул я.

– О Господи! Так же все просто! Ну смотри, – Виконт пустился в разъяснения, – получаем кусок таблички, такой себе угол... рисуем три точки. Если нужно написать букву «А» – этот угол и самую дальнюю точку, «Б» – тот же угол и точку посередине. Ясно?

Мне было жаль расстраивать нашего бывшего стажера своей тупостью, но из его странненьких объяснений я понял очень немного.

– Слушай, Крис. Если ты у нас такой грамотный, какого черта мне полощешь мозги своими разъяснениями. Сам и прочитай! – Я поднялся со своей подстилки, приблизился к укрепленному над входом факелу и, развернув пергамент, включил картинку.

– О, пасторальный пейзажик, – увидев стойла, прокомментировал Виконт. – Бычки, коровки, пастушки... Пастушки есть? Ты здесь как, надолго поселился?

– Не перенимай замашки Лиса, тоже мне, агент «два ноля». Молод еще. Давай читай.

Де Монгийе углубился в чтение депеши. Ждать пришлось недолго.

– В общем, тут смысл такой: «Оказывать подателю сего всяческую поддержку, кормить, поить, давать лошадей и так далее, содействовать выполнению вверенного данному лицу поручения всеми имеющимися средствами. Подписано в замке Ренн-ле-Шато, год 1189, великий иерарх граф де Родез».

– Это что, предшественник Жизора? – все еще не веря в такую удачу, уточнил я.

– Он самый, – заверил меня Виконт. – Хороший пропуск, бессрочный. Ладно, жду тебя в гости.

– Буду непременно. Удачи. – Я вырубил связь.

Глава восьмая

Беря на себя миссию правосудия, где-нибудь да нарушишь закон.
Принц Флоризель

Тихий шорох в соседнем стойле разбудил меня. Конюшня уже была пуста, и сквозь щели покосившейся двери пробивались солнечные лучи. Я поднялся, отряхивая солому, и с наслаждением потянулся. Дверь приоткрылась, и молодая наездница, грациозно впорхнув в помещение, направилась к своим вещам. Увидев, что я уже встал, она приветливо улыбнулась мне и произнесла:

– Доброе утро, господин рыцарь. Завтрак скоро будет готов.

– Доброе утро, Эжени, – поклонился я.

Утро стояло солнечное, и только грязь на дороге напоминала о вчерашнем ненастье. В дальнем конце двора эффектно разминался Сэнди. Черноволосый Люка восхищенно наблюдал за ним. По двору со стороны руин лаборатории разносился недовольный голос почтенного Деметриуса:

– Убирай эту балку! Да не эту, а вот ту! Нет, убирай лучше обе!

Послышался сильный треск, и кусок кровли, еще каким-то чудом державшийся на стене дома, рухнул вниз. Из пролома в стене, чихая и ругаясь, выбрался алхимик, сопровождаемый обнаженным по пояс силачом Жано.

– Ну вот, кто тебя просил трогать эту балку! Теперь уж мы точно не доберемся до подвала, – брюзжал ученый.

– Я, это... того... сейчас уберу, – смущенно оправдывался гигант.

– Ничего нельзя поручить! – Деметриус хлопнул себя по бокам, подняв облако известковой пыли. – Ладно, убирай, только быстро. Винсент, где тебя носит? – переключил он свое благосклонное внимание на директора цирка, как раз в этот момент появившегося из фургона с десятком ножей в руках. Мэттью уставился на оружие и сварливо произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.